

Бердникова Татьяна

Проклятый граф

Тайна баронета

16+

Татьяна Бердникова

**Проклятый граф. Том
III. Тайна баронета**

«Автор»

2019

Бердникова Т. А.

Проклятый граф. Том III. Тайна баронета / Т. А. Бердникова —
«Автор», 2019

Приключения в замке Нормонд продолжаются! И вновь перед его обитателями встает необходимость сразиться со старым врагом, вновь им нужно победить козни злого мага! Но, кроме того, их ждут и новые открытия, новые неприятели и удивительные известия, встречи со старыми друзьями и еще большее укрепление дружеских уз! «Проклятый граф. Том III. Тайна баронета» откроет вам ответы на многие вопросы и обнаружит еще большие загадки!

© Бердникова Т. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Татьяна Бердникова

Проклятый граф. Том III. Тайна баронета

Огромный средневековый замок высился на склоне холма. Древний, как сама жизнь, прекрасный и исполненный тяжеловесного величия, он стоял на этом месте много веков и, казалось, готов был простоять еще вечность. Высокие, стройные башни его вздымались к небесам, солнце, весело играя на прекрасных, могущих поразить даже самое смелое воображение витражах, отблескивало сотней разноцветных бликов – замок казался сошедшим со страниц сказки, какой-нибудь волшебной истории о принцах и принцессах, колдунах и колдуньях, о неизведанных и удивительных событиях, для которых это место могло бы стать подходящей ареной.

Трудно было поверить, что еще совсем недавно по меркам истории, – всего лишь чуть больше года назад, – этот замок пугал одним своим видом, казался местом самого страшного запустения, декорацией к фильму ужасов. Тогда при взгляде на осыпавшуюся кладку, при виде тех же витражей, разбитых и запыленных изнутри, у невольного зрителя могли возникнуть лишь мысли о духах, бродящих по пыльным и пустым коридорам замка, об узниках, томящихся где-нибудь в подвале и о прочих, более материальных, но не менее страшных созданиях, населяющих его.

Теперь же все изменилось. Кладка, когда-то кажущаяся такой ветхой, осыпавшаяся едва ли не при каждом дуновении ветерка, была возвращена на место, витражи и стекла на окнах восстановлены, и даже старые двери, некогда потрескавшиеся и радующие слух неприятным скрипом при попытке открыть их, теперь сияли новизной.

Да и сам замок, прежде кажущийся пустым и заброшенным, более не был таковым. За стеклами высоких окон то и дело мелькали человеческие силуэты, прислушавшись, можно было услышать голоса, веселый смех, шутки и возгласы – все атрибуты человеческой жизни, вернувшейся в эти края. Когда-то жуткий, ныне замок стал украшением этой местности, теперь уже он высился над древними деревьями не устрашающе, а величественно, горделиво неся бремя славы забытого рода, возвращая ее ему.

Над дверями его теперь красовался герб, некоторое время назад обнаруженный одним из обитателей где-то в недрах своей обители, где на бледно-красном фоне ярко-желтый геральдический лев побеждал черного волка. Под изображением на гербе вилась надпись: «*Sanguinem pro lacrimis*^{1*}», подчеркивающая готовность благородного семейства защитить обиженных и обездоленных.

Да, теперь это место по праву могло называться обителью дворянства, родовым помещением графского рода, каковым оно, собственно, и являлось.

Пожалуй, единственное осталось неизменным, сохраняясь на протяжении долгих лет, как странная традиция – ни один зверь из обитавших в лесу, ни одно животное из водившихся здесь в удивительном изобилии, не рисковало приближаться к дверям этого замка. Впрочем, теперь для этого у них была более веская причина.

Внизу, у подножия холма, на котором возвышался замок, там, где начинался густой старый лес, неожиданно мелькнула светлая, высокая тень. Неизвестный мужчина, высокий, стройный, бледный, как смерть, аккуратно отвел рукой загораживающую ему обзор ветку и, слегка сузив светло-зеленые, прозрачные глаза, взгляделся в одно из окон замка. Там, как ему было хорошо известно, находилась гостиная, где по обыкновению собирались обитатели древнего строения.

¹ * «Кровь за слезы» (лат.)

На протяжении нескольких минут присутствия в замке хоть кого-нибудь из его жителей заметно не было, и наблюдатель, желая убедиться в этом, предпочел сделать небольшой шаг вперед, вглядываясь внимательнее.

Острый взгляд его, привыкший подмечать детали, выхватил легкое шевеление портьеры внутри – небольшая тень слабой волной накрыла окно, а затем и мелькнувший человеческий силуэт.

Он поморщился и, продолжая одной рукой удерживать отведенную ветку, второй задумчиво провел по неестественно светлым, практически белым волосам. Ему надо было попасть в замок, забрать то, что принадлежало ему, принадлежало по праву и было отобрано безо всякого на то дозволения, но сделать это надлежало тайно. Присутствие же в замке людей, хоть одного человека делало тайну невозможной, а убийство кого-нибудь из них лишь привлекло бы излишнее внимание к его персоне. Нет уж, пусть они пока полагают, что он забыл про них...

С расслабившимся врагом всегда проще справиться, надо усыпить их бдительность! Тем более, что сейчас, увлеченные новыми, довольно радостными событиями в их жизни, обитатели старого строения, похоже, даже не вспоминали о том, что довелось им пережить совсем недавно.

Мужчина снова поморщился и слегка покачал головой. Глупцы. Наивные дети. Они спрятались в своем замке, заперли двери, ведут спокойную, размеренную жизнь, практически не покидая обители и полагают, что этого довольно, чтобы их более никто не трогал, верят, что забыты теми, кому они как кость в горле.

Но мастер помнит о них. Он ни на мгновение не забывает о том, что они заставили пережить его, как поступили с ним, он помнит, вынашивая планы мести. И скоро приведет их в исполнение.

А он, его верный помощник, его соратник, поможет этому человеку, поможет хотя бы потому, что победа мастера будет полезна и ему.

Где-то сбоку зашуршали кусты, хрустнула ветка и послышался чей-то негромкий кашель. Наблюдатель, рывком обернувшись, настороженно вгляделся в сторону, с которой донесся шум. Нельзя быть замеченным, нельзя! Особенно сейчас, когда предсказания мастера начали сбываться, сейчас, сегодня, когда намерения его должны осуществиться... По крайней мере, отчасти.

По губам белокожего, беловолосого мужчины скользнула легкая улыбка. Неизвестный подходил все ближе, уже можно было различить темный силуэт, уверенно мелькающий среди деревьев, и ему, наблюдателю, пора было уходить.

Мужчина чуть повел головой, приподнимая подбородок и прочерчивая им в воздухе горизонтальную линию. В следующее мгновение фигура его неожиданно ярко высветилась, буквально вспыхнув среди полутемного леса, будто озаренная случайно упавшим на нее лучом солнца, и странный человек исчез. Лишь по земле торопливо побежал, спеша взобраться на ближайшее дерево, дабы случайно не попасться на глаза прищельцу, белый, как снег, паук.

Стройный, загорелый мужчина, немного утомленный после долгой дороги, поправив закинутый на плечо рюкзак, отбросил назад каштановые, чуть выющиеся волосы и, на миг сжав их в кулаке, словно пытаясь собрать в хвост, улыбнулся закрытым дверям старинного замка. Он знал, что его ждут тут, верил, что не забыт, однако, вламываться вот так, безо всякого стеснения, не пожелал и, глубоко вздохнув, от чего-то немного нервничая, хмыкнул, поднимая руку и трижды ударяя кулаком по деревянной створке.

Голоса, смутно доносившееся до его довольно острого слуха со стороны окна гостиной, настороженно смолкли. Мужчина, замерший возле входной двери, быстро облилиз губы. Он знал, какие мысли сейчас возникли в головах обитателей старинного строения, буквально

кожей чувствовал охватившее их напряжение и, прекрасно сознавая, до какой степени коварной и даже, возможно, где-то подлой была его провокация, тем не менее, не пытался ничего исправить.

Иногда у него бывало такое настроение, ему нравилось пугать ничего не подозревающих людей, особенно, если впоследствии их ждала радость. Он любил создавать эти контрасты впечатлений и, услышав сейчас за дверью уверенные, четкие шаги, немного отступил, догадываясь, что дверь сейчас будет распахнута резко.

Он не ошибся. Деревянная створка, взвизгнув скорее от силы, с которой была распахнута, нежели из-за несмазанных петель, рывком открылась и перед неожиданным визитером оказалось напряженное, настороженное молодое лицо в обрамлении черных волос.

На несколько секунд повисло молчание. Человек, распахнувший двери замка, молча созерцал вновь прибывшего, разглядывал его с весьма странным выражением лица, казалось, прикидывая, убить его или обнять.

Наконец, приняв по здравом размышлении соломоново решение, он гневно выдохнул и, отбросив назад копну длинных, черных, как смоль волос, завивающихся легкими кольцами, упер одну руку в бок. В этот момент молодой человек – а пришедший знал, с кем намеревается разговаривать – был до крайности похож на девушку: серо-зеленые глаза его, в обрамлении темных густых ресниц были широко распахнуты, пухлые губы немного приоткрылись от возмущения, и даже на бледном, фарфоровом личике проступил нежный румянец самого искреннего негодования. Поза его лишь подчеркивала сходство с особой женского пола и разве что одежда, плотно облегающая худощавое, хотя и не худое, а довольно сильное и подтянутое тело, выдавала принадлежность этого человека к мужскому полу.

– Ты сюда из палаты сумасшедших пожаловал? – негодование в его хриплом, басовитом голосе, категорически не соответствующем общему облику, услышать можно было бы за километр, а собеседник находился рядом. Закусив губу, он невинно пожал не занятым плечом и, изо всех сил стараясь изобразить самую, что ни на есть, искреннюю наивность, захлопал глазами.

– Я просто постучался, прежде, чем войти. Разве моя вежливость – признак безумия?

– Признак безумия – косить под Альберта, стучась также, как и он! – отрезал парень и, отойдя в сторону, с тяжелым вздохом пропустил мужчину в холл, – Выходи, Татьяна, это не твой папа. Это всего лишь наш ненормальный кот вернулся из своего долгого и нудного похода.

Из-за балюстрад, отгораживающих в дальней части холла небольшой коридорчик, осторожно выглянула темноволосая, сероглазая девушка в старинном платье. Увидев вошедшего, она расплылась в широкой, счастливой улыбке и, едва не взвизгнув от восторга, бросилась ему на шею.

– Винсент!

Мужчина, сам заулыбавшись и даже негромко, счастливо рассмеявшись, крепко обнял ее одной рукой, прижимая к себе. Второй он все еще придерживал на плече рюкзак, искренне опасаясь отпустить его, ибо ввиду резких движений вкупе с собственной тяжестью, тот мог упасть, повредив свое содержимое.

Девушка, названная Татьяной, крепко обняв вернувшегося из долгого путешествия человека, неожиданно отстранилась, давая ему легкий подзатыльник.

– Ты решил в честь своего возвращения нам массовый инфаркт устроить? Мы уже думали, что это Альберт опять явился по наши души, а мы одинокие, беззащитные...

– Говори за себя! – мгновенно выступил молодой человек, гордо выпячивая грудь, – Я-то очень даже защитный! Еще и тебя защитить могу, если придется, даже от дяди!

– В прошлый раз это оказалось для тебя весьма чревато, – отметил названный Винсентом мужчина и, аккуратно обойдя девушку, подошел к стулу, сиротливо стоящему посреди огромного холла, снимая с плеча рюкзак и, водрузив его на сиденье, с облегчением вздохнул, – Наконец-то дом...

– Да уж, загулял ты конкретно, – отметил его юный собеседник и, разведя руки в стороны, вежливо осведомился, – Скажи, тебя в школе здороваться так и не научили? Мы тут все волнуемся, значит, за него, беспокоимся, а ну как наш котик там голодает, в дальних странах пакостью всякой питается, а он пришел, испугал – и все?

– Ты на меня сам первый наехал, – удивился Винсент и, поправив рюкзак, убедившись, что тот точно не упадет, шагнул обратно к собеседнику, протягивая ему руку и церемонно провозглашая, – Здравствуйте, господин виконт! Я весьма польщен приятностью нашей встречи, и безмерно счастлив и рад... – он завис на несколько мгновений, затем махнул протянутой рукой, так и не дождавшись ответного пожатия и, шевельнув плечом, небрежно закончил, – Короче, привет, Роман.

Молодой человек, известный как виконт Роман, склонил голову набок, с самым, что ни на есть, искренним интересом оглядывая собеседника. С его точки зрения, тот проявлял неслыханную наглость, дерзость, за которую в былые времена он бы, возможно, даже потрудился вызвать на дуэль, но сейчас, настроенный несколько более миролюбиво, предпочитал оставить безнаказанной.

– Ты оценила? – поинтересовался он, мельком взирая на стоящую с ним рядом девушку, – Вот оно – тлетворное влияние путешествий! Обычаи родной страны забываются напрочь, способен обнять разве что девушку! Бессовестный кошак, а ничего, что у тебя тут еще друг имеется, который тоже не против крепких объятий в знак приветствия? Рукопожатие отдает некоторой холодностью, или может... – виконт замер, осененный внезапной мыслью и почти в ужасе взглянул на Винсента, – Ты на меня за что-то обижен? О, горе мне, позор моим несуществующим сединам! Друг мой, клянусь тебе, я...

Закончить он не успел. Мужчина, все же несколько уставший с дороги, не желая дольше выслушивать воплей юноши, которые тот, надо сказать, ухитрился провозглашать довольно искренне, с искрой патетики, будто бы и в самом деле переживая, сгреб его в объятия и крепко сжал. Роман, не ожидавший такого, сдавленно пискнул и, не желая оставаться в стороне, сам обнял вернувшегося друга, сжимая его, заметим, не менее сильно.

Винсент крикнул и, полагая обмен мужскими приветствиями завершенным, выпустил парня из объятий.

– Что ж, по крайней мере, я теперь убежден, что не забыт здесь, – констатировал он, довольно ухмыляясь и, оглядевшись, осведомился, – А где Эрик? Ричард? Или что, страшный стук был услышан только вами двумя?

– Сколько беспокойства я слышу в твоем голосе! – восхитился Роман, – Да, преданность хранителей памяти воистину достойна восхищения – даже прекратив служить Эрику, ты все еще продолжаешь беспокоиться за него!

Татьяна, на сей раз сама решительно прерывая восторги постепенно входящего в раж виконта, негромко кашлянула.

– Эрик отправился в банк, – пояснила она, – На Владе. В смысле, на его мотоцикле, то есть, конечно, мотоциклом управляет сам Влад... И Ричард с ними.

– А Ричард-то им зачем? – хранитель памяти непонимающе нахмурился, переводя вопросительный взгляд с девушки на молодого человека, будто бы надеясь получить от него ответ более понятный и пространный.

– Видимо, затем, чтобы бросаться им в елки с мотоцикла! – раздался от входных дверей чей-то злой раздраженный голос, и молодые люди, обернувшись, с удивлением воззрились на входящего в замок высокого черноволосого мужчину, лохматого, с царапинами на щеке и длинным порезом, спускающимся по шее вниз и теряющимся где-то под воротом испачканной, местами порванной рубашки. Винсент, выглянув из-за их спин, немного приподнял брови.

– Здравствуй, Ричард...

– О, – мужчина, лишь сейчас разглядевший вернувшегося из долгого путешествия приятеля, приветственно махнул рукой, – Какие люди в нашем Голливуде. Здорово, бродяга, давно не виделись.

– Рик... – Татьяна, пораженная и ошарашенная видом столь неожиданно появившегося человека, неуверенно сглотнула и как бы невзначай провела рукой по животу, – Ты в порядке?.. Что вообще...

– Да ничего! – огрызнулся Ричард и, оглядевшись, с претензией воззрился на занятый рюкзаком Винсента стул, после чего, сделав шаг назад, устало привалился спиной к створке входной двери, запрокидывая голову и опираясь на нее затылком, – Вылетел из коляски мотоцикла. Хотя вернее будет сказать – вылетел вместе с коляской. Цепеш, придурок, гоняет, как ненормальный, забывая о том, что байк и байк с коляской – это две совершенно разные конструкции! Он не заметил кочку, мотоцикл подпрыгнул, коляска вместе со мной отлетела и с размаху треснулась о ближайшую елку, а эти герои умчались куда-то в даль. Коляска, кстати, вдребезги, – последние его слова прозвучали с откровенной гордостью, чувствовалось, что упомянутую коляску незадачливый путешественник расколотил сам.

– Так это ты с елкой подрался? – заинтересованно уточнил Роман, – Или это Влад был возмущен невежливым обращением с запчастями его драндулета?

Мужчина медленно опустил на виконта весьма и весьма скептический взгляд.

– Влад? Меня? Роман, ты что, шутить разучился? Когда бы это бессмертному мальчишке достало сил справиться с оборотнем?

– Ну, Луи-то он однажды поцарапал, – юноша, невинно улыбнувшись, развел руки в стороны, – А Луи, помнится, поцарапал тебя.

Оборотень, услышав напоминание о сломанном некогда носе, негодуя сморщил последний. Удовольствия эти воспоминания ему решительно не доставляли.

– Твой младший братишка – маг, – напомнил он, – Глупый и спесивый, самовлюбленный и самоуверенный маг. И если бы ты почаще мыл уши, то услышал бы, как я сказал еще тогда, что я опаснее, чем он. Мне кто-нибудь скажет, чей багаж занял единственный свободный стул? – последние слова, столь не вписывающиеся в тему беседы, заставили самого Романа, да и Татьяну, мгновенно отвлекшись, завертеть головами, словно бы выискивая виновника. Виновник же, между тем, абсолютно спокойно стоящий, привалившись к столу, тоже имевшемуся в холле, опершись на него руками, равнодушно пожал плечами.

– Мой, пожалуй. Но ты можешь присесть с краешка, он не обидится.

– Безмерно счастлив, – недовольно буркнул Ричард и, отлепившись от двери, направился к стулу. Стало заметно, что он, ко всему прочему, еще и хромает. Татьяна, обеспокоенно нахмурившись, неуверенно глянула на стоящего рядом Романа, затем перевела взгляд на хранителя памяти, равнодушного, как скала и смущенно осведомилась, обращаясь все-таки к оборотню:

– Может... Чарли позвать?

– Из-за пары царапин? – мужчина, как раз опустившийся на стул, изумленно вскинул брови, – Татьяна, не смей меня, будь так любезна. Чарли опять будет вопить, что лечение оборотней не входит в его компетенцию, а я бы не хотел случайно убить нашего доброго доктора. Нос у меня тогда прошел за несколько дней, хотя сломан был старательно, а тут всего-то легкий ушиб. Да, кстати, Эрик с Владом будут чуть позже – полагаю, они все-таки добрались до банка, даже не взирая на то, что остались без юриста в моем лице.

– И как же они будут?..

– Что им вообще нужно в банке?

Два вопроса прозвучали как один, смешиваясь в непонятную какофонию звуков. Ричард, моргнув, перевел взгляд с девушки на хранителя памяти, затем обратно и вежливо кашлянул.

– Будьте добры, соблюдайте очередь. Я не знаю, кому отвечать.

– Всем, – не преминул подсказать Роман, – Как же они вообще будут в банке и что им нужно без юриста?

– В банке будут без юриста, – меланхолично отозвался оборотень, – Наследственное право вообще не относится к сфере моей компетенции, хотя я в нем и разбираюсь, так что, полагаю, как-нибудь справятся. А в банке...

– Эрик хочет восстановить счета отца, – виконт, не желая уступать пальму первенства кому-то другому, вновь поспешил, выскочив, как черт из табакерки, объяснить все самостоятельно, – Тут недавно была высказана умная мысль, не помню точно, кем, быть может, даже мной, что, коль скоро мы прежде были достаточно обеспечены, средства должны храниться в банке и мы, как наследники, имеем на них право.

– Разумно, – кивнул, внимательно выслушав это, Винсент. Ричард, вздохнув и устроившись на краешке стула поудобнее, предпочел продолжить.

– Да, и поэтому он попросил меня, так сказать, поучаствовать. Хотя я говорил, что без моего участия вполне можно обойтись... – он примолк, затем недовольно фыркнул, – Видимо, поэтому они и решили, потеряв меня, не останавливаться.

– Действительно, юристом больше, юристом меньше... – виконт, невинно моргнув, равнодушно пожал плечами, – Чего бы им ловить Рика? У нас вон тут полный замок законников, выбирай, кого хочешь! Даже я мог бы, в случае чего, все подтвердить.

– Вот и надо было ехать с ними, – огрызнулся оборотень и, потерев нос, прибавил, – И хватит меня так называть!

– Вот никогда не понимал, чем тебе не нравится сокращение твоего имени, – хранитель памяти, пожав плечами, отвел одну руку в сторону, – Меня-то они Винсом называют и ничего.

– Винс – это еще ничего, – согласился мужчина, – А у меня есть имя, хорошее, красивое, мужественное имя, а вы все повадились меня звать, как комнатную собачонку!..

Роман вежливо, негромко, но весьма различимо кашлянул. По губам его расплылась откровенно ехидная, несколько издевательская улыбка.

– Собственно говоря, Рикки... В каком-то смысле ты и есть комнатная собачонка, ведь не дворовый же пес!

Ричард, чье имя было изменено образом еще худшим, временно лишился дара речи.

– Ребят, ребят... – Татьяна, решив, что в некоторых ситуациях в мужских спорах без женского вмешательства не обойтись, категорически вклинилась в беседу, – Может, мы продолжим наше увлекательное общение в гостиной? Там побольше стульев, да и вообще... Чего сидеть напротив выхода?

– Ну, это кто сидит, а кто нет, – моментально отозвался виконт, – Бедный песик вон едва-едва примостился на стуле, а он, между прочим, ранен, он дрался с елкой! – серо-зеленые глаза весело блеснули, и юноша продолжил, ловко сменяя объект своего острословия, – А у нас все как всегда – единственный свободный стул занимает что-нибудь наглое и хвостатое! Мне кажется, с этим что-то надо делать.

– Идти в гостиную, – согласилась девушка, – Там кроме одного единственного свободного стула, найдется еще с десяток не менее единственных.

– Полностью поддерживаю поступившее предложение, – хранитель памяти, воодушевленно кивнув, уверенно приблизился к стулу, на котором Ричард успел устроиться довольно удобно, несколько навалившись на стоящий за спиной рюкзак и, не мудрствуя лукаво, одним движением выдернул последний. Оборотень, не успев от неожиданности удержаться, произвольно откинулся назад и, больно стукнувшись лопатками о спинку, яростно зарычал.

– Сегодня что, день избиения Ричарда? Хватит уже надо мной измываться! Не смешно, честное слово.

Винсент, сдержав улыбку, виновато поднял свободную руку.

– Извини, извини. Я не думал, что ты уже так плотно устроился на моем рюкзаке, обещаю, что в гостиной его выдергивать из-под тебя не буду.

– На том спасибо, – последовал хмурый ответ, и мужчина, поднявшись, первым направился в сторону двери, ведущей к упомянутому, несколько более удобному помещению.

...Разместиться в гостиной удалось действительно без особых проблем. Помещение, прямо предназначенное для проведения важных совещаний, или, на крайний случай, просто для общения старых друзей, легко вместило четырех человек, оставляя довольно места еще для нескольких.

Ричард, в качестве протеста, уселся несколько поодаль ото всех и, недовольный сверх всякой меры, свято оберегая свое раздражение, скрестил руки на груди, откидываясь на спинку стула. Винсент равнодушно занял первое попавшееся место, Роман, не изменяя своей очень благородной привычке, уселся прямо на стол, а вот Татьяна, ввиду отсутствия человека, которому принадлежало право сидеть во главе стола в большом и глубоком кресле, уверенно уселась на его место сама и, по-видимому, испытывая от собственной наглости небольшое смущение, скромно улыбнулась.

– Итак, о чем мы продолжим беседу? – виконт, который по причине отсутствия графа, да и в его присутствии издавна привык брать на себя ведущую роль, свысока оглядел всех собравшихся, – Рикки просил больше над ним не издеваться, значит, придется поиздеваться над кем-нибудь другим... Винсент! – на лице его отразилось самое, что ни на есть, неподдельное счастье, – Как насчет тебя?

– Насчет меня надо покормить и дать немного отдохнуть, – отозвался хранитель памяти, подпирая щеку кулаком. На пальце его сверкнуло, мгновенно привлекая всеобщее внимание, крупное кольцо с молочно-белым опалом, венчающим его.

– Не поняла... – Татьяна, даже немного подавшись вперед, недоверчиво взглядела в перстень, затем неуверенно подняла взгляд на Романа, глянула на Ричарда и нахмурилась, – Разве ты не был против идеи надевать его?

– А? – Винсент, судя по всему, решительно забывший о своем украшении, с удивлением перевел на него взгляд и тотчас же равнодушно махнул рукой, – Ааа... Да нет, в нем нет ничего страшного, – он снял кольцо и, повертев его в руках, слегка вздохнул, – Марко считает, что это перстень Рейнира. У него, говорят, имелось кольцо с опалом, и он...

– Какой еще Марко? – виконт, сам нахмурившись, немного склонил голову набок, – Винс, давай-ка все по порядку, идет? Если даже я ничего не понимаю, ты только подумай, каково остальным!

Мужчина негромко фыркнул и, вновь надев перстень, сцепил руки в замок, складывая их перед собой на столе.

– Марко – это хранитель памяти, которого я встретил в Италии. Он чем-то напомнил мне меня самого, хотя, в отличии от меня, живет не в доме хозяина, а рядом с магом, который создал его...

– В каком смысле создал? – Ричард, решив все-таки поучаствовать в беседе, облокотился одной рукой на стол, с нескрываемым изумлением смотря на рассказчика, – Это разве не врожденное?

Винсент усмехнулся и как-то очень терпеливо вздохнул.

– Хранителей памяти создают маги, Ричард, дают силу самым обычным людям, хотя чаще всего тем, кому необходимо скрыться. Я слышал, некоторые из них порой даже обучают обучающихся магии, но сам не сталкивался с такими, пока не познакомился с Марко. Его друг – маг, Паоло, – много рассказывал ему о Рейнире, говорил, что вроде бы кто-то из его предков был знаком со стариком. Так вот, у Рейнира было кольцо с опалом, очень похожее на это, вот только... – он снова снял перстень и, бросив взгляд на гравировку внутри, покачал головой, – Слова остались для него загадкой. *Semel hic sol lucebunt* – однажды здесь засияет солнце – он

понятия не имеет, что это может означать и какое солнце должно засиять. И где, кстати, тоже. Он просил показать перстень Паоло, но я торопился и до этого дело не дошло. В любом случае, он сказал, что кольцо определенно не кажется опасным, скорее это просто побрякушка, так что можно носить, с гордостью думая, что таскаешь то, что некогда украшало руку великого мага.

– Хорошие знакомства ты завел... – в раздумье вымолвил Роман, слегка качая головой. Чужим виконт не доверял, хотя и понимал, что его собеседник и друг вряд ли бы оказался столь наивен, чтобы связаться с кем-то подозрительным. Может, у хранителей памяти существует какой-то негласный договор помогать друг другу...

– Винс, – Татьяна, подав голос, неожиданно примолкла, задумчиво кусая себя за губу и, выдержав паузу, продолжила, – Скажи... а ты не пытался посоветоваться с этим Марко насчет тех подозрений, что у нас возникли в избушке Рейнира? Ну, насчет того, что тебе тоже могли стереть память...

– Я упоминал об этом, – сдержанно отозвался мужчина. Эти воспоминания удовольствия ему не доставляли и, признаться, беседы на эту тему он бы предпочел избежать, однако, понимал, что вопрос чересчур серьезен, чтобы его можно было просто проигнорировать.

– Я провел в Италии несколько дней, а с ним познакомился в один из первых, поэтому он успел передать мой вопрос Паоло. Тот полагает, что это, в общем и целом, вполне вероятно, но был искренне изумлен, что кто-то вообще рискнул сделать это. Меня, без ложной скромности замечу, считают одним из самых сильных представителей своего... вида, – он усмехнулся и, вздохнув, задумчиво качнул головой, – Среди магов известия расходятся быстро, мне иногда кажется, что у них существует какой-то тайный способ общения, где-то на уровне подсознания, как будто у них один разум на всех... Альберт – личность довольно известная, Татьяна, и ты, как его дочь, известна ничуть не меньше. Многие считают, что ты, родившись, перехватила у отца силу носителя, и именно поэтому он теперь рвется вернуть себе и ее, и предметы...

– Чуть! – девушка, нахмурившись, откинулась на спинку кресла, скреживая, как давеча Ричард, на груди руки, – Альберт никогда не был носителем! Он умеет обращаться с браслетом, но я не уверена, что знает, что делать с кулоном, поэтому о нем и не говорит. К тому же Тио! Кошка выбрала меня, принесла мне браслет и отдала его, а я...

– По крайней глупости его надела, – подтвердил виконт и, оглядевшись, слегка приподнял бровь, – Кстати, а где это хвостатое насекомое?

Хранитель памяти, только намеревавшийся сказать что-то до крайности умное, или же спросить что-то не менее важное, пораженно моргнул и перевел на молодого человека недоумевающий взгляд.

– Хвостатое насекомое?

– Он ее постоянно так называет, – Татьяна, устало вздохнув, опустила руки, кладя их на подлокотники и, бросив недовольный взгляд на, напротив, абсолютно довольного юношу, покачала головой, – Она, по-моему, уже скоро будет отзываться на это, как на второе имя.

От двери, ведущей в холл, донеслось вопросительное мяуканье, и виконт прыснул, культурно закрывая ладонью рот. Девушка, не оглядываясь, поморщилась.

– Я же говорила.

– Наша дружная семья наконец-то в сборе? – веселый голос, послышавшийся вслед за мяуканьем с той же стороны, заставил наконец всех присутствующих обратить свое внимание на кошку и на вошедшего вместе с ней человека.

За спиной его, сквозь открытую дверь, видна была блестящая, роскошная облицовка холла, его великолепное убранство и на фоне этого антуража он, светловолосый, высокий, облаченный в черный костюм с выглядывающей из-под него белоснежной рубашкой, выглядел истым дворянином, настоящим графом, каковым, собственно, и являлся, или же... сотрудником похоронного агентства. У его ног, периодически потираясь о них, вилась песочно-

рыжая кошка с пронзительными зелеными глазами. Игнорируя обожающего издеваться над нею виконта, она радостно встречала и приветствовала хозяина.

– Винсент... – серые глаза вновь прибывшего, такие теплые и живые, остановились на хранителе памяти, и он, в несколько шагов подойдя к тому, радостно протянул руку для пожатия, – Счастлив вновь видеть. Тебя долго не было...

Мужчина, сам заулыбавшись при виде своего экс-хозяина, поднялся со стула, крепко обнимая того и прижимая к груди. Блондин, обняв его в ответ, легонько хлопнул приятеля по спине и, высвободившись, оглянулся на кресло, в котором привык сидеть, проводя вечера в компании своей большой семьи. Девушка, до сего момента скромно его занимающая, поторопилась встать, культурно уступая хозяину замка его законное место.

Молодой человек, усмехнувшись, подошел к ней и, приобняв, легко поцеловал в губы в знак приветствия, а затем, действительно сев в кресло, уверенно притянул девушку к себе на колени. Спротивляться та не стала.

Ричард, который, наблюдая всю эту церемонию приветствия, некоторое время молчал, наконец не выдержал.

– Как-то вы очень быстро, – подозрительно хмурясь, произнес он, – Я ожидал, что вы вернетесь позже. А где Цепеш? У меня к нему... конфиденциальный разговор, – с этими словами он выразительно потер кулак об ладонь.

– Хочет поставить мотоцикл поудачнее, – отстраненно откликнулся молодой граф и, переведя взор на собеседника, заметив царапины на его лице, виновато покачал головой, – О... Прости, Рене. Я говорил ему, что надо остановиться, но он сказал, что мы уже слишком далеко уехали, а ты наверняка доберешься сам до замка.

– И ты ему поверил?! – моментально вспыхнул мужчина, даже вскакивая на ноги, – А если бы я умер там, в лесу, вы бы хоть труп мой на обратном пути подобрали? Или ждали бы, пока он в замок сам приползет?!

– Да что ты кипятишься? – молодой человек в элегантном черном плаще, в свитере с высоким воротом и с мотоциклетным шлемом в руках, решительно диссонирующим со всем этим нарядом, зайдя следом за своим спутником, уселся на ближайший к нему стул, небрежно кладя шлем на стол, рядом с рюкзаком Винсента, который тот тоже успел расположить на изящной столешнице, – Ты же добрался до замка, живой и почти невредимый, вот и выходит, что Эрику я не соврал и прерывать путь не надо было... А где коляска?

– Покоится под той самой елкой, – ядовито отозвался оборотень и, практически упав обратно на стул, претенциозно воззрился на блондина, – Так почему так быстро? Вас что, завернули обратно?

Девушка, некоторое время молчащая, взволнованно оглянулась на молодого человека, на чьих коленях гордо восседала.

– Что-то случилось?

– Это как сказать, – Эрик, продолжая одной рукой обнимать ее, уверенно сунул вторую за пазуху и извлек оттуда аккуратно, но явно давно сложенный документ на гербовой бумаге. Внимание всех присутствующих мгновенно переключилось на него; Роман недоверчиво склонил голову.

– Ты хочешь сказать... Эрик, это же не может...

– Это завещание отца, – молодой граф быстро улыбнулся и, кое-как расправив документ, аккуратно разложил его на столе. На несколько секунд воцарилась тишина, все недоверчиво созерцали завещание, пережившее три сотни лет и дождавшееся своего часа.

– Хочешь сказать, оно хранилось в банке? – Ричард недоверчиво скривился; взор его наполнился подозрением, – ощущалось, что оборотень готов признать завещание недействительным.

– Да, – ответ последовал почему-то не от блондина, а от его спутника, известного всем присутствующим под именем Влада Цепеша. Он вздохнул, отбросил с лица несколько прядей темных волос, рефлексивно прижал ладонь к груди – ребра, лишь недавно восстановившиеся после повреждений, нанесенных ему при последней стычке с врагами, все еще немного ныли, – и, наконец, продолжил:

– Таково было распоряжение его составителя. Когда мы вошли в банк, я, честно говоря, немного удивился – все взгляды были прикованы к Эрику, его там как будто бы знали, а ведь мы все можем поклясться, что прежде он там не бывал. Но оказалось...

– Завещание отца хранилось там три века, – перебил его молодой граф, – И, если честно... в нем полно странностей.

Ричард, моментально оживившийся, снова поднялся со стула, протягивая руку к старинному листу гербовой бумаги, однако, на половине пути остановился.

– Можно взглянуть?

– Конечно.

Получив разрешение, оборотень аккуратно придвинул к себе документ и, радуясь воцарившейся тишине – даже Роман, замерев в ожидании вердикта замкового законника, молчал, – некоторое время пристально изучал его.

– Ты прав... – наконец медленно проговорил он, – Завещание составлено по всем правилам, оно абсолютно законно, однако, имеется ряд странностей.

Татьяна, Винсент и Роман, как самые несведущие в данный момент личности, недовольно переглянулись. Выразить всеобщее негодование не преминул виконт, в чьи, добровольно взятые на себя обязанности это входило.

– Может, вы не будете пугать нас загадками и скажете все, как есть? Как я уже говорил сегодня Винсу – не понимаю происходящего даже я, поэтому искренне сочувствую остальным, ибо они не понимают еще больше.

Девушка, не в силах придумать достойный ответ, молча показала молодому нахалу язык; Винсент только усмехнулся. Ему нравилось все происходящее, нравилось сразу по возвращении быть тут же с головой погруженным в обычный бедлам, царящий в стенах этого замка, поэтому он-то как раз даже не возражал, если бы Ричард, Эрик и Влад потянули время еще немного, продолжая хранить интригу. Однако, делать этого они не стали.

– Странности начинаются с даты, когда должно быть открыто завещание, – первым подал голос местный юрист, продолжая недоверчиво изучать документ, – Ибо дата указана... сегодняшняя.

– Другими словами, – пояснил молодой граф, – Выходит, что отец знал, что я проживу три столетия и завещал передать мне состояние именно сегодня.

– В банке, вместе с завещанием, – подал голос Владислав, – Хранился даже его портрет. Не скажу, что самый удачный, но господин граф на нем вполне узнаваем. Портрет и завещание долгое время являлись особой достопримечательностью банка, от сотрудников в тайне их не держали, поэтому они и узнали Эрика, едва нам стоило войти.

– Ну... – Татьяна, честно пытающаяся найти объяснение этой странности, слегка пожала плечами, – Может быть, господин де Нормонд имел в виду не самого Эрика, а... скажем, его потомков?

Молодой граф при этих словах, улыбнувшись, ласково коснулся ладонью ее живота; девушка прижала его руку к себе. Винсент, заметив это, чуть склонил голову набок, подозрительно вглядываясь в молодую пару. Однако, сказать что-либо ему не удалось.

– Нет, – блондин отрицательно покачал головой, – Нет, в завещании ясно сказано – Эрик Стефан де Нормонд...

Оборотень, продолжающий, закусив губу, изучать завещание, задумчиво кивнул.

– Роман Натан де Нормонд, – продолжил он слова графа, – И Людовик Филипп де Нормонд... – последнее имя прозвучало особенно внушительно, повиснув среди гостиной, как туманная дымка. Виконт, умеющий иногда, по ситуации, быть серьезным и воспринимать все исключительно здраво, недоверчиво нахмурился.

– Невозможно! – отрезал он, – Три сотни лет назад мы все считали Луи мертвым, и отец первый должен был знать об этом! Или, может, завещание было слишком рано...

– Нет, – оборвав брата, Эрик вновь отрицательно качнул головой, – Дата составления указана уже после той трагедии. Отец знал, что Людовик жив.

На сей раз тишина, воцарившаяся после его слов, была еще тяжелее, еще мучительнее. Роман, зажмурившись, потряс головой.

– Ты... ты хочешь сказать... Что отец был заодно с Альбертом? Но он стрелял в него!

– Я так не думаю, – Ричард, на правах юриста, вновь вклинившись в беседу братьев, поднял голову, – Анри завещал Людовику лишь относительно небольшую сумму, значительную даже по сегодняшним временам, но все-таки достаточно скромную в сравнении с тем, что он завещал вам обоим. Кстати, Эрик, могу тебя поздравить. Замок и титул, как и земли, принадлежавшие твоему отцу, завещаны тебе, ну и Роману в равных долях, как и основная часть накоплений. Альберт не имеет ни малейшего права претендовать на все это.

Виконт недовольно махнул рукой.

– Вот это-то как раз и без завещания было понятно, я не понял, чего ты не думаешь?

– Что Анри был заодно с Альбертом, – хранитель памяти, решительно включаясь в беседу, немного подался вперед, облокачиваясь на стол, – Если он предпочел немного обделить младшего сына, значит, действительно знал, что тот выжил, вырос и выбрал не ту сторону. Но откуда... Я не смог тогда стереть ему память, это правда, но это же не значит, что он мог заглянуть в будущее! Кстати, я до сих пор не знаю даже, как он понял, что за нападением на замок стоит его брат. И еще... – мужчина, приподнявшись, дотянулся до лежащего перед оборотнем документа и, придвинув его к себе, аккуратно приподнял, внимательно изучая, – Его сложили довольно давно. Можете считать меня параноиком или просто безумцем, но, судя по всему, Анри знал, что его сыну будет удобнее везти в замок сложенный вчетверо документ.

– Значит, он действительно мог заглянуть в будущее? – девушка, недоверчиво нахмурившись, обвела всех собравшихся взглядом, – Альберт, конечно, говорил, что брат практикует, в смысле, практиковал магию, но настолько! Помню, Винсент когда-то, рассказывая нам о Рейнире, относил дар предвидеть будущее к особо редким и сильным.

– А, так вот для чего он напялил его кольцо, – Роман, ненадолго отвлекаясь от серьезности, да и вообще от ситуации как таковой, каверзно улыбнулся, – Надеется, что вместе с ним к нему перейдет и великий дар старого мага?

– Ты надел кольцо Рейнира? – Эрик непонимающе глянул на друга. Тот, не отвечая, поднял руку с перстнем и плавным движением раскрыв пальцы, почти сразу вновь сжал их в кулак. Граф заинтересованно облизал губы.

– Это то самое, что мы нашли в его избушке? Разве ты не говорил, что не хочешь надевать его?

– Говорил, – юноша, на сей раз выглядя заправским кляузником, повернулся к брату, начиная ябедничать, – Это ему подсказал его новый дружок – тоже хранитель памяти. Представляешь? Он смылся от нас, бросил нас на произвол судьбы, не думая о том, что с нами станет, если вдруг нападет зловредный дядя, а сам там новых друзей завел! Еще и с магом с каким-то...

– Ему я представлен не был, – прервал его мужчина и, тяжело вздохнув, помотал головой, – Если ты не против, я расскажу тебе об этом несколько позже. Не хочу двадцать раз повторять одну и ту же историю... Скажи мне лучше, Эрик, как давно ты начал поглаживать Татьяну по животу?

Девушка, ощущая, как губы сами собой расплываются в улыбке, закусилла нижнюю. Вопрос был задан очень обтекаемо, однако, намек, скрывающийся за ним был более, чем очевиден.

– Два месяца, – негромко произнесла она, не позволяя ответить не менее счастливому блондину. Хранитель памяти задумчиво кивнул.

– А браслет?

Татьяна, просяив еще больше, вытянула вперед руку. На запястье ее виднелся изящный браслет в виде кошки, чье гибкое тело образовывало окружность, а передние лапы и хвост удерживали крупный черный камень. Трещина, так пугавшая ее когда-то и несколько месяцев назад вновь начавшая образовываться, исчезла, как будто ее и не существовало.

Винсент понимающе усмехнулся.

– Кровная связь с семейством де Нормонд...

– Да, – девушка, мягко сжав руку любимого, покрепче прижала ее к себе, – Эрик был прав, говоря тогда Тьери, что способ заставить трещину окончательно исчезнуть есть. Став его женой, я обрела связь с семьей де Нормонд, а теперь, когда ношу под сердцем наследника этого рода, обрела связь и кровную. Так, по крайней мере, сказал Тьери.

– Тьери? – хранитель памяти удивленно приподнял брови, – А зачем вы ходили к нему? Разве возникли какие-то проблемы?

– Нет-нет, – граф отрицательно качнул головой, – Просто мы не сразу поняли, какая радость нас постигла и, увидев, что трещина пропала, удивились. Поспешили к нему, а он сказал, что это возможно только в одном случае...

– Это прекрасно, – чистосердечно откликнулся Винсент и, мягко улыбнувшись, повторил, – Прекрасно. Честно сказать, я надеялся, когда вернусь, услышать что-то подобное, – все-таки с вашей свадьбы прошло уже немногим больше года, а вы все почему-то откладывали и откладывали.

– В условиях жизни в этом замке это не удивительно, – Татьяна, слегка поморщившись, тяжело вздохнула, как-то быстро отвлекаясь от радостных мыслей, – Ты представляешь, что может случиться, если сейчас по наши души заявится Альберт? Конечно, он уже год как не дает о себе знать, да и супруг мой вполне способен от него отбиться, но... – она еще раз вздохнула и, поджав губы, замолчала.

– Одно можно сказать точно, – Роман, по-прежнему восседающий на столе с гордым видом полководца, немного выпрямился, величественно расправляя плечи, – Когда Альберт явится вновь, из замка тебя никто не выпустит. Поэтому сиди спокойненько здесь, отдыхай, а мы пока попробуем разобраться, кто пытается взломать сейчас дверь нашего черного хода.

– Сюда.

Негромкий голос мягко прорезал тишину, касаясь острого слуха только что вновь взбежавшего на дерево паука. Рядом с ним неожиданно возникла приветливо раскрытая крепкая мужская ладонь и он, недолго думая, взбежал на плечо красивому темноволосому мужчине, со спокойной улыбкой смотрящему на старинный замок на холме, возле подножия которого они находились.

– Итак.

Говорил мужчина спокойно, мягко, улыбался практически ласково, однако во всем его облике ощущалась какая-то сила, огромная и мощная, непоколебимая уверенность в себе и помноженная на все это скрытая угроза.

Паук легко взбежал на сильное плечо и, почти сливаясь с тканью белоснежной рубашки, замер, приблизившись к уху. До слуха мужчины донесся тихий, едва различимый шепот, который он так привык улавливать, что делал это уже совершенно не напрягаясь.

– Значит, он вернулся... – в раздумье проговорил он, по-прежнему не сводя пристального взгляда с замка, – Что же, этого следовало ожидать. Рано или поздно он должен был бы вернуться в замок, здесь его дом... Значит, вскоре... что? – он немного склонил голову к плечу, сужая глаза. Информация, лившаяся ему в ухо, оказалась довольно неожиданной, однако, удовольствие мужчине доставило куда как большее. Глаза его блеснули, улыбка на долю секунды стала шире.

– Наследство Анри... – прошептал он и, неожиданно весело хмыкнув, ухмыльнулся, кивая не то собеседнику, не то собственным мыслям, – Значит, сейчас.

Слова эти сопровождал уверенный шаг. Мужчина, облаченный в весьма приметную, яркую белую рубашку и не менее яркие светлые джинсы с вытертыми коленями, светлой полосой выделяясь среди темного леса, но, тем не менее, стараясь быть несколько более неприметным, неспешной и расслабленной походкой двинулся вдоль подножия холма, постепенно поднимаясь на него, так, чтобы не быть увиденным по случайности из окон гостиной. Если бы это произошло слишком рано, планы его оказались бы нарушены самым, что ни на есть, грубейшим образом и допустить этого было нельзя.

– Как вы полагаете, господин маркиз... – продолжал он, между тем, негромко переговариваться с сидящим у него на плече пауком, – Будет ли мой сюрприз удачным? Полагаю, семья должна была бы уже соскучиться по мне.

Негромкий шепот вновь коснулся его ушей, и мужчина тихо, бархатно рассмеялся.

– Да, в этом нет сомнений... Людовик однажды сказал мне, что все они не более, чем дети и с моей стороны, пожалуй, не совсем честно обходиться с ними так... жестко, – он поморщился. Чувствовалось, что слова Людовика отклика в его душе не находят.

– Вот именно. Я сказал ему практически тоже самое, только иными словами – если они дети, их необходимо воспитать и сносить столь вопиющую грубость безмолвно я не намерен, – густые брови его сдвинулись, лицо помрачнело и, подняв правую руку, он легко коснулся длинными пальцами того плеча, на котором восседал паук. Голос его прозвучал несколько приглушенно.

– Я не забыл...

На некоторое время, разделяемое разве что шагами приближающегося к замку человека, повисло молчание. Он легко обогнул подножие одной из башенок, свернул за нее и, остановившись возле небольшой железной дверцы, ведущей в, казалось, какую-то пристройку, вновь улыбнулся.

– Ты говорил, их испугал стук, не так ли, друг мой? Ну, что же... Не буду столь же тривиален и предсказуем, предпочту их удивить, – он вытянул правую руку в сторону и в ней, без каких бы то ни было особых предпосылок, без произнесения заклятий и без совершения загадочных жестов, возник крепкий, не очень длинный, но очень надежный ломик, идеально подходящий для целей мага.

– Полагаю, открыть эту дверь не составило бы труда... – он легким, сильным движением вогнал ломик в небольшой зазор между створкой и стеной, вонзая его прямо в каменную кладку, – Однако, я не вижу резона делать это сейчас. Я хочу лишь быть услышан, – он усмехнулся и легонько надавил на ломик, стараясь при этом выбивать из отгибающегося под его натиском железа как можно более громкие звуки.

– Представить не мог, что мне доведется попробовать себя в такой роли! – глаза мужчины весело блеснули и он, будто рисуясь перед незримым наблюдателем, ухватился за лом поудобнее, надавливая еще раз. Дверь заскрежетала.

Роман в замке, услышав этот звук, насторожился и, выждав подходящий момент, сообщил о происходящем.

Незванный гость, не могущий знать этих слов, надавил в третий раз, приложив усилий капельку больше, чем в предыдущие два. Дверь жалобно завизжала, рыдая от боли и умоляя не разлучать ее со стеной.

Мужчина внял.

Прекратив всякое давление, он медленно извлек лом и, легко подкинув его на руке, играя увесистым куском металла как тонкой веточкой, обернулся через плечо.

– Они идут, – улыбнулся он, сообщая об этом не то пауку на своем плече, не то почти взломанной дверце, не то стене замка, возле которой стоял, а может быть, просто констатируя факт, признавая его как данность.

Забывая про створку, определенно не намереваясь более пытаться взломать ее, он полностью повернулся и, прислонившись к ней спиной, скрестил ноги, продолжая поигрывать металлическим ломом, могущим при случае обратиться очень грозным оружием. Затем опустил тот одним концом в землю, утыкая в нее и, чуть склонившись, ибо лом был короток, провел по его верхней части пальцами так, словно пытался что-то снять с верхушки, или же вытянуть его, сделав более подходящим для своего роста. Верхняя часть лома, действительно немного вытягиваясь и как будто бы плавясь от рук мага, медленно изменила форму, перетекая из одной ипостаси в другую. Теперь уже это не был верхний край лома, нет, рука мага мягко удерживала роскошный серебряный набалдашник в форме головы волка, чуть ниже которого одно за другим возникали серебряные же кольца, обхватывая остов, уже ставший деревянным. Происходило это все гораздо быстрее, нежели можно рассказать, и не прошло и пяти секунд, как в руке мужчины, повинаясь его воле, возникла вместо лома изящная, аккуратно выточенная и прекрасная в своей несколько нарочитой вычурности, трость. Теперь уже он мог без особых усилий, откинувшись назад и привалившись спиной к двери, опираться на нее, ставшую длиннее и изящнее, а значит, и выглядеть более элегантно в глазах так торопящихся узреть его обитателей замка.

– Дядя... – Роман, вышедший первым из-за поворота, и не желающий хранить интригу, предоставляя возможность следующим за ним лично увидеть, кто же явился нарушить их покой, скрестил руки на груди, – Скажи, ты случайно не знаешь, почему я не удивлен, увидев тебя сразу же, как только мы порадовались твоему отсутствию?

Мужчина, продолжающий стоять во все той же расслабленной позе, то опираясь на тросточку, то поигрывая ей, поморщился.

– Как много слов, мой дорогой племянник... Увы, я не имел понятия о том, что мое отсутствие так радует вас, и хотел лишь доставить удовольствие своим визитом.

– Не получилось, – Ричард, успевший обогнать хозяина замка, отчаянно пытающегося убедить свою упрямую супругу вернуться в этот самый замок, с ухмылкой развел руками, – И хоть ты мне не дядя, Альберт, признаюсь – по тебе я не скучал.

Из-за его ног, взявшаяся невесть откуда, настороженно выглянула определенно готовая к бою пантера, и мужчина, мягко и грустно улыбнувшись, рассеянно провел длинными пальцами по собственной щеке.

– И в самом деле невоспитанный пес... Увы, Луи был прав – отпускать тебя было рановато, Ричард, воспитания ты недополучил.

– Дядя, зачем ты пожаловал? – Эрик, включаясь в беседу и непрестанно озираясь на Татьяну, которая, стоя за спиной Винсента и отчаянно пытаясь из-за нее выглянуть, отмахивалась от Влада, предпринимающего попытки вернуть ее в замок, решительно шагнул вперед.

Роман, как всегда предпочитающий перехватывать инициативу у ответчика, самодовольно хмыкнул.

– Я полагаю... – начал он, забывая, однако, учесть, что с его предпочтениями могут не согласиться. Альберт быстрым движением поднес палец к губам, на мгновение сдвигая брови.

– Тш! Не гоже перебивать старших, племянник, не мешай мне говорить... – в глазах мужчины мелькнули всполохом опасные искры и юноша насторожился. Что-то изменилось в этом человеке с их последней встречи, что-то было не так. Он более не старался прикидываться доброжелательным, практически не скрывал за наносной мягкостью открытой враждебности и, похоже, относился к тем, кого называл своей семьей, еще хуже, чем прежде.

Девушка, настороженно выглядывающая из-за плеча Винсента, пока хранящего молчание, тихонько вздохнула. Положение сделало ее несколько более сентиментальной и, опасаясь столь неожиданно пришедшего, будто подслушав ее опасения, отца, она, вместе с тем, страстно желала обнять его и, ощутив крепость ответных объятий, услышать по-родственному ласковые слова, произнесенные знакомым мягким голосом. Не желая и опасаясь извещать этого, кажущегося если не юным, но все еще довольно молодым, не взирая на прожитые годы, мужчину о том, что в скором времени ему грозит стать дедом, она, тем не менее, мечтала и об этом, робко и безнадежно желая возвращения родительской любви и расположения.

И все-таки она сдержалась. Мысли ее, скачущие с одного на другое, закрутились непосредственно вокруг персоны отца и невольный страх липкой струйкой пролился ей в душу.

На ум пришли воспоминания, не самые радостные и приятные, получающие подтверждение прямо сейчас, – воспоминания о звучавших некогда словах, утверждениях, что Альберт непрестанно совершенствует собственные умения, что сила его растет день ото дня, и что сегодняшний маг уже куда как сильнее мага вчерашнего...

Стоящий перед ними мужчина, молодой, сильный, красивый, идеально элегантный в своей неброской простоте, казался сгустком этой самой силы, буквально излучал угрозу, а намерения его, между тем, оставались пока еще загадкой.

– В первую очередь... – Альберт, дождавшись, когда все внимание наконец будет обращено к нему, позволил себе легкую, мимолетную улыбку. Голос его зазвучал до нереальности приветливо и дружелюбно.

– Не могу не выразить восхищения все еще хранимой вами дружбой, – он слегка склонил голову, пряча сполохом вспыхнувшую в темных глазах насмешку, – Приятно сознавать, что после того, как все вы свели знакомство благодаря мне, вы все еще продолжаете быть преданы друг другу.

– Тебе благодаря? – Роман, на мгновение примолкший после столь неожиданного и, на его взгляд, бесцеремонного и наглого приказа, изумленно вскинул брови и насмешливо усмехнулся, – Ты себя переоцениваешь, дядя.

– Если у тебя есть какие-то вопросы... – хранитель памяти, решив, что в стороне оставаться более не желает, да и не может, сдвинул брови, делая небольшой шаг вперед, стараясь, при этом, чтобы Татьяна осталась на том же месте, где и была, – Задавай. Мы ответим на них, удовлетворив твое любопытство и ты, наконец, оставишь нас в покое. Вновь...

– Вопросов за этот год у меня накопилось достаточно, – Альберт, по-прежнему продолжающий прислоняться к двери за собой, сохраняющий все ту же расслабленную позу, прочертил тростью перед собой горизонтальную полосу, задумчиво наблюдая собственные действия, – И один из них... Почему я не только не был приглашен на свадьбу моей дочери, но даже не был извещен о ней? – с этими словами он, подняв взор, глянул на Татьяну, тотчас же попытавшуюся спрятаться за спиной Винсента.

Ричард, по некоторым, понятным в большей степени лишь ему самому причинам, отнесший данный вопрос исключительно к своей компетенции, задумчиво провел указательным пальцем по губам и ухмыльнулся.

– Прости, не ты ли утверждал, что глаз с нас не сводишь, неусыпно следишь и знаешь обо всем, что творится в нашей жизни?

– Верно! – Роман, не желающий уступать пальму первенства ни в каких вопросах, воодушевленно кивнул, – Ну, а коль скоро тебе уже было все это известно, мы справедливо подумали – кто мы такие, чтобы навязывать дяде то, что он итак знает... Кстати, а почему ты решил сегодня постучаться не в ту дверку? Неужели же ты не желаешь сегодня даже попросить пустить тебя погреться, переночевать на коврике, переписать на тебя замок и подарить пару фамильных украшений?

– О, даже если бы я и хотел этого, – Альберт, начисто игнорируя слова о непрекращающейся слежке, демонстративно вздохнул и нарочито расслабленно повел плечами, – Я опасюсь, что вы вновь проявили бы крайнее не гостеприимство и не подали бы мне даже стакан воды. Ах, что же я буду делать, лежа на смертном одре?

– Тогда, возможно, рядом будет Луи, – Эрик, решивший не отставать от остальных и все-таки не отступать от участия в беседе, мягко улыбнулся, – Возможно, он согласится подать тебе стакан воды... Если, конечно, ты сумеешь уговорить его.

– Если вспомнить истинно дворянские манеры его старшего брата, – не выдержал оборотень, – Можно предположить, что мальчишка скорее выльет воду на умирающего дядюшку. Вот тут-то он и оживет...

Эрик, сам вспомнив, как несколько раз ему приходилось будить друга, выливая ему на голову стакан, или, в особо сложных случаях, кувшин воды, тонко улыбнулся и, закусив губу, опустил взгляд, изо всех сил изображая свою полную непричастность к подобного рода действиям.

– Так значит, новый хозяин обижает тебя? – Альберт, приподняв брови, сочувствующе покачал головой, – Бедный песик. Если бы ты не предал меня, не нажил бы себе таких проблем.

– Ну, разумеется, – Ричард, скривившись, скрестил руки на груди, одаривая человека, претендующего на звание его экс-хозяина, презрительным взглядом, – Ты-то поступаешь гораздо гуманнее – просто сжигаешь дома!

Мужчина равнодушно помахал в воздухе свободной рукой.

– Я не слишком лоялен к предателям. Ты должен был бы понимать, что такой поступок без наказания не останется.

Роман, уже давно свыкшийся с присутствием оборотня в замке, привыкший к нему и, в общем и целом, принявший в их большую и дружную семью, нахмурился, моментально бросаюсь на его защиту.

– Скажи, дядя, какими словами тебе объяснить, что ты больше не участвуешь в нашей жизни и мораль нам тебе читать необязательно?

– Никакими, – маг легко пожал плечами и, задумчиво улыбнувшись, поднял взгляд к небу, продолжая, – Скажу тебе больше, Роман – что-то подсказывает мне, что однажды я буду принимать в вашей жизни очень большое участие и даже, возможно, окажу вам немалую помощь... Но это будет потом, – он опустил глаза на племянника, и улыбка его стала шире, – Сейчас я просто пришел в гости и не хотел бы... такой враждебности.

Татьяна, в беседе участия не принимающая, тихонько вздохнула и, сделав несколько шагов назад, привалилась к стене замка. Влад, тоже пока что предпочитающий держаться в стороне, с пониманием покосился на нее.

Милая беседа, развязанная явно только с целью отвлечь внимание, что понимали, кажется, все, начала утомлять их обоих.

Девушка, скрестив руки на груди, и внимательно слушая все эти шутки и остроты, сумрачно размышляла, не соскучились ли обитатели замка и в самом деле по внезапно заявившемуся магу. Взгляд ее скользнул к последнему.

Альберт стоял, все также небрежно прислоняясь к железной двери. С того мига, когда она видела его в последний раз, мужчина практически не изменился – разве что волосы, как и прежде, уложенные в художественном беспорядке, стали немного длиннее, да элегантный

костюм сменила более удобная одежда. Впрочем, не признать, что в белой рубашке с расстегнутым воротом и темно-голубых джинсах с вытертыми коленями, заправленных в тяжелые, более похожие на сапоги, ботинки, Альберт выглядит даже эффектнее, нежели в одежде более строгой, было невозможно. До аристократизма Эрика он, конечно, определенно не дотягивал, до такого вида ему сейчас было, можно смело сказать, как пешком отсюда до Канзаса, если не дальше, однако, судя по всему, соответствовать облику претендента на древний замок или на титул проживающего в этом замке графа, маг более не пытался.

Хотя, возможно, ему это было и не нужно. Нарочитая и старательно продуманная небрежность в одежде, особенно вкупе с последним элементом облика – изящной тростью – придавала мужчине какого-то удивительного шарма, необъяснимого, совершенно магического обаяния, под которое, забывшись, нетрудно было попасть. Пожалуй, единственной выбивающейся из облика деталью была прическа, ибо волосы его, как уже упоминалось, с последней встречи с обитателями замка стали длиннее, а он продолжал упорно придавать им вид взъерошенных ветром, и теперь это казалось уже несколько странным. Впрочем, общего впечатления прическа не портила, и очарования образа не нарушала.

Рассматривая этого мужчину, Татьяна на какой-то миг вдруг ощутила сомнение в том, что отцом ее является именно он. С последней встречи Альберт, казалось, даже помолодел.

В мирно текущей беседе, среди пустой болтовни, неожиданно наметился маленький просвет, и девушка поторопилась вставить несколько слов, надеясь, что это поможет сделать разговор более конструктивным.

– Что тебе нужно? – она немного отстранилась от стены, к которой прислонялась и, сделав шаг вперед, скрестила руки на груди, – Если ты снова хочешь потребовать браслет...

– О, нет-нет-нет, дитя мое, что ты! – Альберт, улыбнувшись, воззрился прямо на дочь, абсолютно забывая о существовании всех прочих собеседников, – Эту маленькую игрушку ты пока еще можешь оставить у себя, я не претендую на него. Цель моего прихода сейчас несколько иная...

– Это какая же? – Винсент, не дожидаясь, пока маг сподобится сам раскрыть все карты, решил потребовать этого от него лично, причем в самой категоричной манере, – Опять будешь предъявлять претензии на замок? Должен разочаровать тебя, А...

– Зачем же мне замок? – мужчина, в свой черед решив не ждать, пока хранитель памяти завершит разочаровывать его, удивленно приподнял брови, – Напротив, я пришел для того, чтобы пригласить кого-нибудь из вас в гости к себе. Скажем... тебя, Винсент, – улыбка, продолжающая играть на его губах, стала жесткой, – Ты не откажешься от этого предложения, я полагаю, – слова, казалось бы, подразумевающие вопросительную интонацию, прозвучали как утверждение. На предложение похоже это не было – маг предъявлял требование, приказывал, повелевал, но зачем? Чем был обоснован столь внезапно возникший интерес его к хранителю памяти?

Винсент, решительно не ожидавший подобных заявлений, непроизвольно отступил. Находится рядом с человеком, который зачем-то хотел затащить его к себе домой, желания у него не возникало.

– Так я был прав? – Роман, удивленный не менее прочих, растерянно перевел взгляд на хранителя памяти, вспоминая собственную шутку, высказанную перед самым выходом из замка, – Он и в самом деле ждал, пока вернешься ты?

– Что за... чушь! – Винс, изо всех сил пытаясь скрыть поражение в голосе, непонимающе тряхнул головой.

Альберт же, казалось, только и ждал этих слов, добиваясь именно такой реакции. Улыбка его неуловимым образом изменилась и, если прежде казалась приветливой, лучилась удачно фальсифицированным дружелюбием, то сейчас стала откровенно пугать. Маг легко вздохнул

и, подняв свободную руку, небрежно провел ладонью по волосам, не то приглаживая их, не то, напротив – еще больше взлохмачивая.

– Ах, Винсент, Винсент... – он неодобрительно прищелкнул языком и, покачав головой, усмехнулся, – Ведь ты, казалось бы, немного сведущ в магии, по крайней мере, способен понять некоторые ее аспекты. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что ты сам можешь являться превосходным и любопытнейшим объектом для изучения?

– Ты его что, препарировать, что ли, собираешься? – Роман, уже несколько секунд как подыскивающий наиболее оригинальный ответ на неожиданные наезды дядюшки, наконец, не выдержал и решил обойтись тем, что есть в наличии, – Неужели никогда не приходило в голову тебе, дядя, что это называется плохим и гадким словом «вивисекция»? Мы нашим зверюшкам таких жутких слов не рассказываем и котика нашего в обиду не дадим!

– Это благородно, – одобрил мужчина и, виновато вздохнув, развел руки чуть в стороны, разумеется, не выпуская при этом трости, – Я бы мог, конечно, солгать, сказав, что последую вашему примеру и не стану запугивать вашего... котика такими вещами, но не буду. И, коль скоро вы не желаете отдать мне этот прекрасный объект, мне придется забрать его силой.

– Один против шестерых, – девушка фыркнула, окинула взглядом своих спутников и поправилась, – Пятерых. Как-то не равноценно получается, ты не находишь, папа? – последнее слово в ее устах прозвучало, наверное, также, как и в устах Романа звучало слово «дядя». Ничего искреннего в нем не было.

Альберт на мгновение закусил губу, призадумываясь, затем согласно качнул головой.

– Пожалуй... Мне бы следовало пожалеть вас, ибо пятеро против меня – это и в самом деле чересчур мало. Ну, что же... – он неожиданно немного повернул голову, как будто обращаясь к собственному плечу, и усмехнулся, – Тогда придется внять его просьбе и не поступать с детишками столь жестоко.

Слова отзвучали, повергая слушателей в некоторое изумление, даже можно смело сказать, – довольно сильное изумление. Понятного в них, казалось, не было ничего и догадки об истинном значении как слов, так и жестов еще только начинали теплиться в сознании каждого из них, когда маг неожиданно поднес руку к левому плечу и легким, изящным движением стряхнул с него незримую соринку.

В воздухе мелькнуло что-то белое, а в следующую секунду, берясь как будто бы из ниоткуда, рядом с ним вырос высокий, бледный, как полотно, мужчина со столь же светлыми, неестественно белыми волосами и прозрачно-зелеными глазами. Одет он был, в отличие от человека, которому – по своей ли воле или же против нее – повиновался, достаточно тепло: вместо тонкой рубашки, красовавшейся на нем в прошлый раз, сейчас плечи его обтягивало легкое, светлое весеннее пальто с высоким, наглухо застегнутым воротом. Полы его легонько развевались от налетающего порою несильного ветерка, шевелящего также и аккуратно зачесанные назад волосы мужчины.

По сравнению с Альбертом, приведшим или призвавшим его сюда, этот человек казался истым дворянином. Все в нем дышало аристократизмом – и гордая осанка, и чуть приподнятый подбородок, и тонкая улыбка на красивых губах, и легкий, полупрезрительный прищур светлых глаз... Пожалуй, никогда еще на памяти обитателей замка, видевших его прежде, он не выглядел столь благородным, никогда не производил столь сильного впечатления, которое не портил даже тот факт, что под пальто мужчина предпочел одеть не более подошедшие бы образу брюки, а обычные джинсы. Сейчас, при взгляде на него, трудно было представить, что когда-то этот человек носил вытертый фрак и, почтительно сгибаясь в поклоне, прислуживал в замке в качестве мажордома.

– Господа, – голос его, не то хриплый, не то сиплый, но какой-то по-особенному приятный, очень мягкий и бархатный, легкой волной коснулся слуха обитателей замка. Мужчина склонился в едва заметном поклоне.

– Весьма несчастлив видеть всех вас.

– Это взаимно, – не преминул выступить Роман и, очаровательно улыбнувшись, прибавил, – Я, как и дядя, не слишком жалею предателей. Жаль, твой дом спалить пока не получилось, а то прямо даже как-то хочется.

Ричард, бросив на виконта недовольный взгляд, тихо вздохнул. Напоминаний о вреде, тем или иным способом причиненном ему, он не любил, а этот молодой человек, словно специально (а может быть, и в самом деле так) регулярно вспоминал об этом.

– Так вы решили пойти по стопам дяди, господин виконт? – альбинос, слегка приподняв брови и демонстрируя вежливое изумление, тонко усмехнулся, переводя взгляд на мага, – Полагаю, он мог бы гордиться вами.

– Мог бы, – не стал спорить Альберт, – Если бы только племянник, часть моего любимого эксперимента, не стал моим разочарованием. Но, увы... Гордиться я могу скорее другим своим родственником, – и, завершив тираду, он мягко повернул голову в бок и чуть слышно позвал, практически выдыхая в пространство одно лишь имя, – Луи!..

Повинуясь этому зову, как будто бы отвечая на него, вновь безо всяких предпосылок вроде вихря или столба пыли, безо всевозможных спецэффектов, немного сбоку от той самой пристройки, возле которой по-прежнему стоял маг, появился высокий, очень красивый молодой человек в весьма необычной позе.

Правая рука его сжимала какую-то книгу, к странице которой был прикован его взгляд, левую он, видимо, будучи впечатлен событиями произведения, запустил в темно-русые, чуть выющиеся волосы, локтем при этом явно облакачиваясь на какую-то, оставшуюся в другом месте, стену. Не поднимая взгляда, продолжая увлеченно читать, он вытянул левую руку, пытаясь нащарить ту самую стену и, не обнаружив ее, равнодушно махнул рукой, закусывая ноготь указательного пальца.

Альберт, судя по всему, ожидавший отнюдь не такого явления своего любимого племянника, негромко кашлянул.

– Людовик.

– Да-да, – невнимательно отозвался юноша, не отрываясь от книги, – А ты разве не ушел в гости?

Маг слегка вздохнул и, послав обитателям замка, созерцающим все это с невольными улыбками, улыбку несколько виноватую, извиняющуюся, кивнул.

– Ушел. И ты тоже.

– А? – молодой человек, определенно не поняв последнего заявления дяди, с видимой неохотой оторвался от чтения, поднимая недоуменный взгляд. Обнаружив себя совершенно в другом месте, он удивленно моргнул и, переведя взор изумрудно-зеленых глаз с призванного его сюда собеседника на всех остальных, моргнул еще раз.

– Ух ты. А вот и гости, – констатировал парень и, дунув на страницу книги, очевидно делая таким образом закладку, небрежным жестом отбросил ее за спину. Книга исчезла, лишь будучи выпущена из длинных пальцев молодого мага. Сам же он, сунув руку в карман, жизне-радостно улыбнулся и, окинув всех присутствующих взором, безмятежно пожал плечами.

– Ну, что же, привет хозяевам! А я тут давеча как раз размышлял, не сходить ли мне к вам в гости самому, раз уж дядя никак не сподобится...

– Мы были бы только рады, – Эрик, по этому человеку и в самом деле скучавший, мягко улыбнулся, легко пожимая плечами. Роман, не преминув поучаствовать в родственной беседе, согласно кивнул, одаряя нового персонажа взглядом, тем не менее, довольно насмешливым.

– Али не брат ты нам? – промурлыкал он на манер народного сказителя, прижимая обе руки к груди.

– Не желаю помнить у себя таких волосатых братьев, – Людовик, демонстративно сморщив изящный, точеный нос, немного отвернулся, презрительно махнув рукой, – Подстригись,

тогда и решим, – взгляд его метнулся к Эрику и молодой человек, внимательно осмотрев его, разочарованно вздохнул, – А к тебе даже претензий придумать не получается... Но, если ты подождешь, я обязательно постараюсь.

Граф де Нормонд мягко улыбнулся, едва заметно сужая глаза. Спокойный и сдержанный от природы, он, после трех столетий вынужденного бездеятельного существования, давно уже привык отвечать на шутки хладнокровием, остужая собеседника всего лишь парой емких слов.

– Я полагаю, не стоит, – отозвался он, – Мы прожили без претензий достаточно долгое время и, смею надеяться, проживем еще не меньшее.

– Но вам же наверняка было скучно! – молодой маг, абсолютно не желающий остужать пыл своего остроумия лишь потому, что собеседник его на шутку не настроен, честно попытался изобразить изумление, – Разве можно спокойно жить без моих претензий? Они ведь столь остры, столь увлекательны и интересны, и с их помощью можно узнать столько нового о собственной персоне... Нет, ты меня обманываешь, братик – без них прожить вы не могли.

Ричард, уже некоторое время как поглядывающий на вновь прибывшего с несколько жестокой насмешкой во взоре, наконец, не выдержал.

– И вправду, трудная была задача, – ухмыляясь, согласно кивнул он, – Но как же ты сам выдержал целый год... без моих кулаков? Смотрю, тебе даже нос подправить некому было, – на губах оборотня возникла откровенно мстительная улыбка. Свой собственный сломанный некогда этим мальчишкой нос, он не забыл и мысль о том, что расплатился он за это сполна, не прекращала греть ему душу.

– Какой ты злопамятный, песик! – Людовик, должный бы разозлиться, но, судя по всему, пребывающий в на редкость хорошем настроении, демонстративно расстроился, – Это все из-за того, что я не принес тебе косточку?

– Так ты пришел, чтобы подкормить песика? – Роман, категорически не желающий позволять Ричарду мешать их милому общению с родным братом, вновь перехватил инициативу, – Или хочешь, по дядюшкиному приказу, лишить нас котика? Обидно, правда, что мы животинку-то своих любим, одного не дадим в обиду, другого просто не отдадим...

– Да за ради бога, – Луи, судя по всему, удивленный совершенно искренне, растерянно хлопнул глазами, – Я что, разве сюда для этого пришел? Дядя! – взор зеленых глаз, исполненный праведного негодования, обратился к магу, – Так ты позвал меня сюда, чтобы я приволок домой котенка? Я думал, ты хочешь сказать мне что-нибудь приятное, например, что решил забрать мотоцикл у придурка Цепеша и отдать его мне...

Влад, мигом помрачнев, тяжело шагнул вперед. Попыток претендовать на его мотоцикл он не любил, как, впрочем, и оскорблений в свой адрес.

– Если кто не заметил, я здесь, – негромко, но очень весомо вымолвил он, – И я еще в прошлый раз сказал – тебе от моего мотоцикла даже колесо получить не светит.

– Рад новой встрече, придурок, – Людовик вежливо склонил голову и, ухмыльнувшись, задумчиво постучал себя пальцем по губам, – Нет-нет-нет, ты путаешь... Тогда было все совсем иначе, ты тогда назвал свой мотоцикл, кажется... пупсиком? Или зайчиком? Прости, я не помню точно.

– Красавцем, – Владислав, прекрасно понимая, что собеседника его это только подзадорит, все-таки не удержался от уточнения. Он не ошибся. Юноша, воодушевленно кивнув, жизнерадостно хлопнул в ладоши.

– Ну, вот, я же говорил! Ты мне еще мотоцикленка обещал, вы там не нарожали еще, случаем?

– Луи! – Роман, недовольный, что внимание младшего брата вновь переключилось с его персоны на кого-то еще, предпочел вернуть его себе, – Я совсем забыл – ты ведь очень вовремя. Ты помнишь, может быть... Я как-то обещал тебе наследство?

– Ого! – Людовик, моментально заинтересовавшийся новой темой, забывший про старую, с любопытством склонил голову набок, закусывая на мгновение губу, – Так ты все-таки решился его мне оставить? Честно?

– Не я, – виконт слегка усмехнулся, – Отец. Завещал тебе некоторую сумму, довольно приличную, надо признать... Я бы не сказал, но, увы, по закону ты должен быть извещен, наследник.

Молодой человек, судя по всему, решительно не ожидавший, что брат говорит серьезно, ненадолго опешил. Затем медленно перевел взор на Эрика, пытаясь прочитать по его лицу ответ на собственный невысказанный вопрос и опять недоверчиво взглянул на Романа.

– Ты что, серьезно?.. – даже голос его, растерянный и пораженный, зазвучал несколько иначе, – Отец... завещал мне что-то?

– Это так, Луи, – Эрик, выдержав взгляд младшего брата с самым непроницаемым лицом, решил все-таки подтвердить очевидное, и кивнул, – Свое состояние, замок, земли и титул он завещал нам троим, в определенных долях, конечно.

Парень обалдело покрутил головой.

– Отец оставил мне что-то... – потрясенно прошептал он и, внезапно вздрогнув, недоверчиво нахмурился, вновь переводя взгляд с одного своего брата на другого, – Но отец ведь думал, что я мертв!

– Мы тоже так думали, – подтвердил Роман и, мимолетно запутавшись в собственных словах, поспешил уточнить, – В смысле, мы тоже думали, что он так думал, хотя как он тоже когда-то думали, конечно. Но папа все-таки решил обеспечить твой бранный труп, посему, боюсь, ты имеешь право претендовать на эту самую законную часть.

– Ага... – Луи, все еще не до конца пришедший в себя, медленно и неуверенно кивнул, затем мельком глянул на внимательно слушающего их беседу Альберта и поинтересовался, – А что дядя?

– А что дядя? – искренне изумился виконт, – Дядя не при делах, про него папа даже и не вспомнил.

Маг, по сию пору рассеянно чертивший что-то тростью на земле возле своих ног, при этих словах замер и, тшась скрыть заинтересованность, вскинул взгляд на племянника. По губам его скользнула кривая, неприятная усмешка.

– А меня и в самом деле ловко обделили... – задумчиво отметил он и, подняв голову, вздохнул, – Что же... Иного от Анри нельзя было и ожидать. Все эти слова, брат не по крови, но по духу – просто чушь в его устах... Лжец.

– Выбирай выражения, дядя, – Эрик, внимательно выслушавший речи собеседника, нахмурился, – Ты говоришь о нашем отце.

– Я говорю о своем брате, племянник, – отрезал мужчина, сам сдвигая брови, – О человеке, за спиной которого стоял, когда он шел к алтарю, о том, чьи дети стали моими крестниками... И о том, кто, зная, что я жив, не позаботился выделить мне хотя бы малую толику средств, что должны были бы мне причитаться!

– Судя по всему, причитаться они должны были лишь кровным родственникам, – Роман, ухмыльнувшись, развел руки в стороны, – Извини, дядя, на нет и суда нет. Не будем же мы сейчас переписывать завещание, мы уважаем волю отца!

Темные глаза мага нехорошо сверкнули.

– Ну, разумеется... – протянул он и, медленно потянув носом воздух, заставил себя сдерживать разгорающийся в душе гнев. Не сдержи он его, это бы нарушило все его планы, нарушило сильно, а они были мужчине дороже мгновенной вспышки ярости.

– Как неприятно, что приходится забирать силой то, что принадлежит тебе по праву, – он изобразил слабую ухмылку и, покачав головой, обратил взгляд на альбиноса, спокойно сто-

ящего в тени замка и безучастно созерцающего происходящее, – Анхель, друг мой... Как ты полагаешь, не пришло ли время нам призвать подмогу?

Мужчина, услышав обращенные к нему слова, медленно перевел взгляд на собеседника, столь же неспешно растягивая губы в тонкой улыбке.

– Не могу спорить, мастер. К тому же, племянник ваш, как мне кажется, немного увлекся, а впрочем... – он демонстративно вздохнул, качая головой, – Он всегда был чрезвычайно увлекающимся юношей.

– Утихни, насекомое, – Людовик, мгновенно уловивший в речах сторонника претензию в свой адрес, недовольно нахмурился, – Ты не видишь – я с братиками общаюсь, давно не виделся, соскучился?

– И весьма дерзким, – меланхолично дополнил альбинос собственные слова, начисто игнорируя возмущение юноши и, переведя взгляд на человека, которого назвал мастером, прибавил, – Пожалуй, вы правы, пора применить силу.

– Если кто-то не в курсе, – снова подал голос молодой маг, – Или если в способности ворасов не входит устный счет, хочу заметить, что нас втроем ровно в два раза меньше, чем их шестерых. Силы не равны.

– Пятерых, – мягко поправил его наставник и, улыбнувшись уже куда как более искренно, хотя и все еще кривовато, чуть приподнял брови, – Но почему ты полагаешь, что нас лишь трое, Луи, и что сегодня участие примут все из наших противников?

– Я тебя умоляю, не заставляй меня смеяться! – Роман, фыркнув, всплеснул руками, затем хлопая ими себя по бедрам, – Кто будет слушаться твоих приказов, дядя? Да и команда-то у тебя слабовата – один вон все в шоке от полученной в наследство копеечки, а другой за целый год не удосужился ни принести мне кофе, ни подарить обещанную кофеварку! – он упер одну руку в бок и почти с негодованием спросил, – И ты считаешь, что они на что-нибудь способны?

Анхель улыбнулся с очаровательной жестокостью. Напоминания о том, что некогда он принужден был прислуживать этому юноше, выполняя его приказы, злили альбиноса, а виконт, судя по всему, получающий от его злости самое искреннее удовольствие, постоянно норовил вспомнить о тех, счастливых для него, годах.

– Так ты все еще хочешь кофе... щенок? – голос вораса, все такой же мягкий, приятный и ласковый, не изменился ни на йоту, ни капли раздражения или холода не появилось в нем, и тем не менее, собеседник его едва заметно сузил глаза, стараясь контролировать каждое, даже самое мимолетное движение противника, готовясь к любой выходке. Как оказалось, напрасным это не было.

Альбинос медленным, плавным, почти ленивым движением поднял правую руку ладонью вверх и, усмехнувшись, извлек прямо из воздуха чрезвычайно очаровательную чашечку, наполненную горячей, исходящей паром жидкостью.

– Две ложки сахара и одна капля яда, – надеюсь, не забыл ваши вкусы? – улыбка экс-мажордома стала тоньше и как-то жестче, голос же его сейчас напомнил интонацию заправского официанта. Светло-зеленые глаза нехорошо сверкнули.

Роман, не в силах оставить жалкое подобие (как он полагал) остроты без ответа, мило-стиво кивнул.

– Все верно, друг мой. С радостью выпью...

Закончить он не успел. Анхель, спокойный, немного расслабленный, мягко улыбающийся и, казалось бы, предпочитающий бить словами, а не кулаками, внезапным и резким движением швырнул легко удерживаемую им чашку в бывшего хозяина. Горячая, исходящая паром жидкость коричневого цвета – тот самый пресловутый кофе – плеснулась, покидая предназначенную ей емкость и рассыпалась на множество брызг, определенно намереваясь обжигающим дождем пролиться на головы обитателей замка. Последние метнулись врассыпную –

получать ожогов никому не хотелось, и альбинос, довольный достигнутым эффектом, позволил себе улыбку несколько более широкую, чем прежде.

Один только Роман, обожающий выделяться из серой массы, остался на месте и, не скрывая тонкой, насмешливой улыбки, внезапно взмахнул правой рукой. Несчастливая чашечка, образчик изящного искусства, творение рук неизвестного мастера, разлетелась вдребезги, осколками рассыпаясь по траве. В руке виконта мелькнул длинный, тонкий меч.

Улыбка юноши стала безмятежной. Продолжая сжимать оружие, с которым все присутствующие успели познакомиться – а кое-кто и достаточно близко – еще в прошлую их встречу, он с видом победителя, благодарного за бой, вежливо склонил голову в небольшом поклоне.

– Благодарю за угощение, Анхель, – в голосе молодого человека, спокойном и уверенном, не слышалось, казалось, и намека на насмешку, даже более того – в нем чувствовалась самая искренняя благодарность, – Было очень вкусно.

Анхель, не отвечая, чуть приподнял уголки губ. Широкая улыбка его уже давно погасла, а вновь радоваться чему бы то ни было ему не хотелось, но и оставить без ответа столь вежливые речи он не мог. И, не в силах подобрать достойные слова, предпочел ограничиться еле заметной улыбкой, столь же холодной, сколь и неискренней, засим временно теряя интерес к своему персональному антагонисту.

Послышались редкие хлопки. Роман, недоумевающий, кому бы это пришло в голову аплодировать ему – от собственных друзей такого он не ждал, хотя и не сомневался, что они восхищены, ведь, в конце концов, им нельзя было не восхищаться! – удивленно перевел взгляд со своего мимолетного противника на Луи. Тот, широко улыбаясь, радостно аплодировал победе старшего брата, глядя на него со странной смесью гордости, восхищения и небольшого количества издевки. На какой-то миг виконт замер. В эту секунду, в этот момент, глядя на Людовика, такого взрослого и опасного, такого жестокого и дерзкого, он вдруг увидел его прежним – маленьким мальчиком, обожающим старших братьев. Однажды Луи как-то и в самом деле аплодировал его искусному обращению с мечом, искренне восхищался им и умолял научить его... Сейчас же под, казалось бы, искренним восторгом, скрывалась еще более искренняя насмешка.

– Bravo! – Людовик, не скрывая издевательского восхищения, вошедшего у него за много лет в привычку, в последний раз смежил ладони и, прекратив аплодировать, одобрительно кивнул, – Сыграно неплохо, моя школа. Теперь вижу, что дядя не зря привел меня на представление – на кое-что здесь можно посмотреть... Ну, так и что же мы будем делать дальше? – взор зеленых глаз обратился к созерцающему небольшое представление с, пожалуй, не меньшим интересом, хотя и без должного восхищения, мужчине, – Нас же так мало, а они такие страшные, у них есть острые штуки, которыми они умеют махать... Быть может, пойдём домой, а потом подошлем к ним паучка с бомбой? Или паучок у нас и есть бомба...

Анхель, в чей адрес и была направлена последняя насмешка, едва заметно сузил глаза. Татьяна, как и некогда прежде, успевшая глянуть на экс-мажордома в самый подходящий момент, неожиданно подумала, что как бы альбинос не прикидывался, а племянника своего патрона он определенно недолюбливает и недолюбливает достаточно сильно. Пожалуй, Людовику следовало бы даже поостеречься – как опасен может быть ворас, она уже представляла и смерти младшему брату своего супруга отнюдь не желала.

– Полагаю, такой план чреват некоторыми сложностями исполнения, – Альберт, не замечая ни поведения альбиноса, ни пристального взгляда дочери, устремленного на того, легко и очень мягко улыбнулся, – У меня есть решение более рациональное. Вот только... для этого нам понадобится помощник, – завершив небольшую речь, маг неожиданно приподнял трость. Делал он это за сегодня уже далеко не впервые и, казалось бы, ничего особенного в его жесте не было, однако, почему-то в душах пристально следящих за ним обитателей замка он отозвался странным напряжением.

Ричард внезапно почувствовал, как екнуло сердце – предчувствие чего-то нехорошего на краткое мгновение буквально затопило все его существо.

Альберт выпустил трость. С тихим стуком она упала вниз, ударяясь концом о землю и, вместо того, чтобы упасть, почему-то так и осталась стоять вертикально, будто бы вонзившись в твердую почву.

Звук от удара казался негромким, однако, по всему окружающему пространству, как эхо от него, покатылся тихий, уверенный, постепенно нарастающий гул. Земля вокруг трости немного промялась, как будто бы подаваясь вниз, чудилось, что гул исходит именно из этой точки, хотя звучал он отовсюду.

Татьяна, испуганно сглотнув, осторожно попятилась, стараясь держаться как можно ближе к стене замка. Неизвестного помощника, призванного Альбертом, видно еще не было, но желание оказаться под защитой древних стен, тем не менее, пробужденное гулом, нарастало вместе с ним, и вскоре девушка уже едва удерживалась, чтобы не шмыгнуть, пока не поздно, внутрь, с тем, чтобы последовать совету Романа и сидеть тихо и спокойно, предоставив сильному миру сего самим играть в свои игры.

Гул дошел почти до верхней точки, заставил легонько задребезжать стекла и неожиданно оборвался. Над холмом повисла глухая, тяжелая тишина, не прерываемая, казалось, ни щебетом птиц, ни жужжанием уже появившихся насекомых.

И в этой тишине неожиданно громко и ясно послышался шорох раздвигаемых кустов.

Девушка поежилась, сжалась, пытаясь слиться со стеной замка и насторожено перевела взгляд на опушку леса, опоясывающего холм. Друзья ее, взволнованные и напряженные ничуть не меньше, поспешили последовать этому примеру.

Тишина тяжким куполом продолжала накрывать все пространство вокруг замка, и звук шагов, сопровождающий приближение кого-то, пока еще невидимого, кого-то, пробирающегося сквозь лесной массив, разносился внутри этого купола почти эхом. Он все приближался, усиливался, чувствовалось, что неизвестный «помощник» Альберта подбирается все ближе и ближе, однако, видно никого по-прежнему не было.

Внезапно шаги затихли.

Татьяна, хмурясь, немного подалась вперед, вглядываясь в лес у подножия холма, затем недоверчиво переглянулась со стоящим рядом Владом, покосилась на Романа, на Эрика, на Винсента и Ричарда и, убедившись, что это не она одна внезапно ослепла, недоуменно покачала головой. Видно никого не было, понять, что произошло, не удавалось.

Налетел легкий ветерок, и девушка поежилась. Не взирая на раскинувшуюся вокруг позднюю весну, начало последнего весеннего месяца, ветерок все еще был достаточно прохладным, поэтому Татьяна, выскочившая на улицу в одном лишь старинном платье, мимолетно отвлечшись, пожалела, что не одела чего-то более теплого.

И как раз в эту секунду, в миг, когда она, забывшись, позволила себе отвлечься мыслями на совершенно несущественные в данной ситуации вещи, на склоне холма возникла фигура поднимающегося человека.

Девушка, уже успевшая немного отвернуться, заметила его краем глаза и, вздрогнув от неожиданности, вновь отодвинулась, прижимаясь спиной к стене замка.

Как оказался здесь этот человек, откуда он взялся, когда появился – этого не успел заметить никто, и теперь приближение его созерцали со все возрастающим недоумением. Каждый из присутствующих, включая даже Людовика, готов был клясться, что слышал шорох раздвигаемых кустов, слышал шаги, каждый ожидал, что приглашенный, вызванный Альбертом «помощник» появится на опушке леса, выйдя из его недр, и обманутые ожидания в определенной степени настораживали, наталкивая на подозрения о вероятной силе незнакомца.

Тот продолжал подниматься, неспешно, равнодушно, с какой-то странной меланхолией в движениях, шел, опустив плечи, будто под тяжким гнетом чего-то незримого и склонив голову.

Ничего опасного в нем не наблюдалось, угрозы он, казалось, не представлял, да и вообще, судя по всему, не был слишком уже воодушевлен собственным пребыванием здесь, и тем не менее, что-то в нем заставляло напрячься, забеспокоиться, что-то непонятное и странное было в его облике, необъяснимое и ужасающее.

Даже пантера, по сию пору спокойно пребывающая возле ног Ричарда, и абсолютно не принимающая никакого участия в происходящих событиях, вдруг забеспокоилась и, дернув хвостом, поторопилась выйти вперед, заслоняя хозяина собой.

Последний этого даже не заметил. Заинтересованный взгляд его был прикован ко вновь прибывшему противнику, он был поглощен изучением его внешности, надо заметить, весьма необычной и довольно броской, и на друга своего сейчас не смотрел, уверенный, что уж тому-то точно ничего не грозит.

Незнакомец вздохнул и, неожиданно тряхнув головой, немного прибавил шаг. Весеннее солнце ярко сверкнуло на его огненно-рыжей шевелюре, цветом схожей с пламенем костра, и на несколько секунд усилило это впечатление – на голове подходящего человека, казалось, вспыхнуло пламя. Он поднял голову, равнодушно оценивая оставшееся до вершины расстояние, и все тоже солнце мгновенно блеснуло на стеклах очков в тонкой оправе, скрывающих его глаза.

Татьяна, пристально всматривающаяся в него, нахмурилась, закусывая губу. Человек неожиданно показался ей знакомым, черты лица его неуловимо напомнили о чем-то, почти забытом, о ком-то, некогда виденном, но с этого расстояния разглядеть точнее пока было невозможно.

Все, что можно было понять, это то, что неизвестный, на краткое мгновение произведший впечатление какого-то студента или, на худой конец, ученого, определенно не обделен ростом и, судя по всему, физической силой. Сейчас, когда он поднимался по холму и до той поры, пока не оказался на одном уровне с остальными участниками событий, рост его с точностью до сантиметра назвать было, конечно, нельзя, но даже так было понятно, что он вряд ли уступает Ричарду, а если и уступает, то совсем немного.

На широких плечах его, наброшенный абсолютно небрежно, распахнутый, растянутый, болтался черный пиджак, вероятно, натянутый лишь ввиду еще не очень жаркой погоды. Из-под пиджака выглядывала белая, но определенно не первой свежести рубашка. Наряд этот, судя по всему, составленный из первых попавшихся под руку вещей, тем не менее, сидел на сильной, спортивной фигуре незнакомца очень ловко, не скрывая великолепно развитой, почти угрожающей мускулатуры.

Он подошел ближе и внешность его стала более очевидна.

Умное скуластое лицо позволяло предполагать в нем человека образованного, умного, сознательного, вежливого и, пожалуй, обходительного. Очки в аккуратной, изящной оправе довершали это впечатление, упрочивали его, а вот яркие глаза, скрытые ими, светло-карие, кажущиеся то оранжевыми, то откровенно желтыми, его разрушали.

Он был достаточно строен, недурен собою, однако, было в его лице что-то неприятное, что-то такое, что выдавало скрытую жестокость, способность совершать неблагоприятные поступки и, возможно, безжалостность.

На губах его цвела безмятежная, легкая, приветливая улыбка, а желтые глаза взирали на окружающий мир со спокойствием уверенного в своей силе владыки, повелителя, не сомневающегося в своей способности при случае запросто занять любой трон и склонить любую голову.

На щеках его легкой, тоже рыжеватой тенью виднелась щетина – создавалось впечатление, что, вызванный магом, незнакомец просто не успел побриться.

В целом, он казался достаточно приятным, но очень опасным человеком, и Татьяна, дойдя в своих рассуждениях до этого, мысленно вздохнула, удивляясь, что ее родителю пришло в голову завести себе такого помощника. Впрочем, доказательств эти предположения пока не

имели, и осуждать кого-то голословно было бы неправильно и несправедливо, хотя... Девушка взгляделась во вновь прибывшего пристальнее и, сглотнув, чуть приоткрыла рот, стараясь в большей степени слиться со стеной. Она узнала его.

Тем временем, «помощник», не обращая ни на кого внимания, подошел к призывавшему его магу и, кивнув в знак приветствия, вопросительно приподнял брови.

– Итак, вы звали меня, мастер, – при последнем слове взгляд желтых глаз метнулся к Анхелю, привыкшему называть так Альберта, и улыбка незнакомца на миг стала насмешливой. Ворас, неприязненно скривившись, отвел взор, предпочитая созерцать пантеру у ног Ричарда, все такую же настороженную, напряженную, готовую в любое мгновение броситься в бой. Явившийся по зову мага человек определенно не был ему симпатичен.

– Верно, – Альберт, непринужденно положив ладонь на по-прежнему замершую по стойке «смирно» трость, мягко улыбнулся в ответ. Уважение, проявляемое к нему собеседником, было очевидно, хотя страха или раболепия в голосе его не наблюдалось, что давало возможность сделать вывод о, скорее, партнерских отношениях.

– Мне кажется, ты давно хотел встретиться с кое-кем... – маг сделал приглашающий жест рукой в сторону обитателей замка и глаза его загадочно блеснули, – Прошу же. Не стесняйся.

Незнакомец живо повернулся в указанную сторону, и предложенные ему для знакомства объекты несколько напряглись.

Винсент, не без оснований предполагающий продолжение поползновений в свой адрес, невольно отступил, не желая выказывать страха, но предпочитая находиться поближе к Эрику, чтобы иметь, если что, возможность защитить его, и Ричарду, рассчитывая получить в его лице поддержку.

Роман, стоящий с видом защитника немного впереди, с вызовом приподнял подбородок.

Владислав и Татьяна, и без того скрывающиеся за спинами своих друзей, отступили еще немного назад, ближе к дверям замка, – Влад, добровольно взявший на себя обязанность защищать девушку, немного оттеснил ее.

Неизвестный, привлеченный этим движением, с интересом воззрелся в их сторону и, склонив голову, как художник, созерцающий свое творение, окинул внимательным взглядом стоящих немного поодаль людей.

Цепеш в нем интереса не вызвал, по его лицу взгляд желтых глаз скользнул абсолютно безучастно, но вот на девушке задержался подольше. Узнавая ее, вспоминая прежнюю встречу, он позволил себе несколько более широкую улыбку и опустил в приветственном кивке подбородок. Девушка, сглотнув, искренне попыталась взять себя в руки. Признаться честно, с того самого мига, как опознала во вновь прибывшем своего мимолетного знакомого, она лелеяла надежды, что сам он ее не узнает или, по крайней мере, не вспомнит, но... Теперь отступить было некуда.

– Месье Чеслёр... – сорвался с ее губ почти вздох. Собеседник, заулыбавшись теперь уже более искренно, чем вежливо, склонился в легком поклоне.

– Приятно быть узнанным. Рад новой встрече, мадемуазель Лероа... Или же теперь мне следует величать вас мадам де Нормонд? – глаза его чуть сузились, в них, казалось, сверкнула легкая насмешка, удачно скрытая стеклами очков, – Я наслышан о вашем браке с господином Эриком. От души поздравляю.

– Ага... – Татьяна, не зная, как нужно реагировать на поздравления со стороны такого человека, пару раз неуверенно кивнула, а затем, вспомнив высказанное в разное время, но вполне солидарное мнение Романа, Винсента и Анхеля, что в старинном платье ей для соответствия облику средневековой дамы не достает лишь манер, поспешила исправиться, – Благодарю вас, месье Чеслёр. Если это, конечно, ваше настоящее имя...

– Не совсем, – собеседник легко усмехнулся и, быстро подмигнув ей, скользнул взглядом дальше. Беседе с девушкой он завершил и теперь ему хотелось обнаружить более интерес-

ный объект для общения. Впрочем, Татьяна продолжать разговор с ним тоже не рвалась. Она вообще плохо представляла, как надлежит вести себя в подобной ситуации – сейчас, здесь, прямо перед ней, перед всеми ними стоял человек, по словам Альберта, ответственный за трагедию, происшедшую три сотни лет назад в стенах Нормонда, тот, кто приказал убить всех в этом замке и, вероятнее всего, и сам сыграл в этом не последнюю роль, и она невольно трепетала перед ним, боялась его, а он спокойно и приветливо улыбался.

Впрочем, улыбке его цвести оставалось недолго.

Роман человеку, именовавшему себя некогда Чеслером, тоже не показался особенно любопытным и тот, судя по всему, поняв это, ответил на осмотр презрительным взглядом, а Винсент несколько напрягся. После сентенций Альберта в его адрес, он все продолжал подозревать, что и «помощника»-то маг привел лишь с целью навредить ему, Винсу, и ввиду этих подозрений предпочитал быть наготове.

Однако, хранитель памяти в качестве кандидата на должность собеседника незнакомцем оказался также отвергнут. Взор его скользнул дальше, к единственному, на кого он еще не обратил внимания, к человеку, абсолютно уверенному в том, что уж кто-кто, а он-то точно не окажется интересен заявившемуся типу.

Улыбка последнего стала недоверчивой. Он пару раз моргнул, затем, будто не веря собственным глазам, приподнял очки и из-под них всмотрелся в откровенно не понимающего, в чем дело, оборотня.

– Рене... – он качнул головой, изумленный и радостный и, неуверенно улыбнувшись шире, прошептал, – Не может быть...

Сказать, что Ричард изумлен, значило бы не сказать ничего. Пораженный, потрясенный, растерянный, он ошарашено моргнул, затем неуверенно перевел взгляд на друзей, глядящих то на него, то на незнакомца с тем же поражением, не понимающих, что происходит и, моргнув еще раз, вновь воззрился на своего странного собеседника.

– Признаться, я беспокоился за тебя, – продолжал, между тем, последний, воодушевляясь с каждым словом все больше и больше, – Думал, что ты погиб тогда, но ты здесь! Живой, здоровый и ни капли не изменившийся! О, Рене, я так рад...

– Чему? – оборотень, более не в силах выносить эту болтовню, предпочел оборвать ее и, помотав головой, уточнил, – Чего?.. Я... Кто ты такой вообще?

– Я?? – изумление, отразившееся на лице его собеседника, казалось, превосходило даже собственное недоумение Ричарда, – Как это – кто я?.. Я Чеслав, почему ты... Рене... – он недоверчиво прищурился, внимательнее вглядываясь в оборотня, – Рене, ты что, не узнаешь меня?

Оборотень, не понимающий с каждым мигом все больше и, как следствие, ощущающий все возрастающее раздражение, нахмурился, пытаясь повторить непривычное для Франции имя.

– Че... кто? – он помрачнел, последним усилием воли удерживая себя в руках, – Я не знаю тебя, парень, вообще не понимаю...

– Дьявол... – упомянутый парень, не преминув перебить собеседника, растерянно поднял руку и, запустив пальцы в собственные волосы, покачал головой, – Знаешь, Рене, я всегда ценил твое чувство юмора, но сейчас шутка затянулась и если...

– Какая, к чертовой матери, шутка?! – терпение Ричарда лопнуло, как натянутая струна и звон ее, казалось отразился в его голосе, более похожем на яростное рычание, – Я не знаю тебя, вижу в первый раз в жизни! Какого лешего ты называешь меня этим именем?! Что происходит, кто ты такой?!!

Чеслав, будто оттолкнутый этой бурей негодования, сделал шаг назад и негромко, пораженно хохотнул, прижимая руку к груди.

– Ты злишься на меня? Злишься за то, за что злиться надлежит мне – ты не помнишь меня! Черт возьми, Рене, как ты мог забыть собственного брата?!

– Что... – Ричард, чей голос внезапно сел, ошарашенный прозвучавшими словами еще больше, чем прежде, почти лишенный сил злиться, непроизвольно отшатнулся. Взгляд его был прикован к созерцающему его с каким-то непонятым выражением собеседнику.

– Кто?... – силясь понять, что происходит, пытаюсь хоть как-то прийти в себе, оборотень неуверенно опустил взгляд на пантеру. Та, глядящая на него с невероятным беспокойством, мимолетно прижалась к ногам хозяина и, бросив взгляд на Чеслава, недружелюбно оскалилась в его сторону.

Ричард глубоко вздохнул и, видимо, подбодренный этой поддержкой, немного выпрямился, бросая на собеседника уже куда как более твердый и уверенный взгляд.

– Значит, так... – он зло сплюнул и, сделав резкий шаг вперед, вызывающе скрестил руки на груди, – Слушай меня внимательно и запоминай, парень, – я знать не знаю, кто ты и знать этого не хочу. Я не знаю, зачем тебя приволок сюда этот тип... – он кивнул в сторону Альберта, который, по-прежнему прислоняясь к железной двери и опираясь на тросточку, с мягкой улыбкой сценариста созерцал происходящее, – И понятия не имею, какой ерунды он тебе наговорил, но я в этом фарсе участия принимать не желаю! Запомни, один раз и на всю жизнь, запомни хорошенько – меня зовут Ричард. То, что тебе известно то имя, конечно, удивительно, но для тебя же было бы лучше забыть его. Ренард Бастиан Ламберт давно исчез, его нет больше, не существует, его место занял Ричард Бастар Лэрд! И если ты не в состоянии вдолбить это в свою чертову башку сам, я попрошу Дэйва все тебе объяснить, подробно и с пояснениями! Полагаю, он с радостью сделает это, не правда ли, Дэйв? – при последних словах по губам оборотня мимолетно скользнула легкая улыбка и он опустил взгляд на пантеру. Та, изъясняя полное согласие и готовность начать объяснения прямо сейчас, зарычала, немного припадая к земле, будто готовясь к прыжку.

Винсенту, лишенному сомнительного удовольствия привлечь интерес Чеслава к своей персоне, и наблюдающему происходящее со стороны, неожиданно послышались нотки облегчения в этом рычании. Ему, как существу весьма сведущему в интонациях и повадках хранителей памяти, стало ясно, что рыжий тип в очочках, несомненно, как-то связан со скрытыми от Ричарда воспоминаниями, что он – часть той памяти, которую тревожить было бы нежелательно.

Винсент едва заметно прищурился. Очень интересно, прямо-таки до чрезвычайности... Если этот человек мог принять участие в прошлом более, чем трехсотлетней давности, значит, к людям его отнести уж точно никак нельзя. Хотя вот это-то как раз было понятно еще во время его беседы с Татьяной – ведь виделась же она с ним на балу!

Чеслав, выслушавший гневную отповедь оппонента молча, стоявший, опустив голову, как провинившийся школьник, медленно поднял взгляд. Несколько секунд он созерцал умолкшего собеседника, и на лице его проступала все большая и большая обида, горечь, возможно, даже затаенная боль, словно бы Ричард и в самом деле поступал с ним жестоко.

И вдруг все изменилось. Он едва заметно повернул голову вбок и, чуть кивнув, усмехнулся, мимолетно, очень быстро, но вместе с тем зло и неприятно; глаза его стали жесткими и колючими.

Все дружелюбие, вся приветливость, казалось бы, соответствующая его облику, канула в небытие, наружу выступила ярость, жестокость и опасное, непримиримое упрямство.

Впечатление эта трансформация производила весьма неприятное.

Чеслав, будто бы и не подозревая об этом, а может быть, даже и получающий удовольствие, медленно, словно в раздумье, скользнул кончиками пальцев по поле своего пиджака и, внезапно заведя руку за спину, выдернул из-за пояса... пистолет.

Татьяна, вздрогнув, поспешила спрятаться за стоящего рядом Влада. До сих пор такого современного оружия в руках их врагов не наблюдалось, они вполне обходились магической силой, острыми зубами и когтями или, в особенно сложных случаях, мечами, но это, как сейчас вдруг осознала девушка, все время представлялось ей скорее атрибутом игры, нежели настоящей, реальной угрозой.

А вот сейчас, увидев в руке врага, нового и еще никому неизвестного, огнестрельное оружие, она вдруг поняла, что игра эта ведется всерьез. И убить их, всех и каждого, могут на самом деле, а совсем не понарошку.

Она сжалась, съежилась, испуганно выглядывая из-за плеча Цепеша, опасаясь смотреть, но все-таки не желая томиться в неведении, и, внезапно переведя взгляд на оборотня, которому и угрожал рыжий негодяй, с изумлением заметила, что тот ухмыляется.

Оружие, самой Татьяне представляющееся чрезвычайно опасным, на Ричарда впечатления явно не производило. Глядя на металлический ствол, он презрительно прищурился и, качнув головой, приоткрыл рот, явно намереваясь высказать все, что думает насчет этих смертных игрушек, как Чеслав внезапно, почти не целясь, выстрелил.

Ричард дернулся, отчаянно пытаясь удержаться на ногах, пошатнулся, цепляясь рукой за воздух и, не устояв, упал, в последнюю секунду успев схватиться за пантеру. С губ его сорвалось болезненное шипение, быстро сменившееся яростным рычанием. С некоторым трудом, упираясь здоровой рукой в землю, он сел и немного прислонившись к пантере, абсолютно не возражающей против такого, взволнованной и испуганной, желающей помочь хозяину и как-то защитить его, неуверенно коснулся пробитого пулей плеча. Плечо разрывала, разъедала жгучая боль, металл, угодивший в него, как будто плавился внутри, и Ричард, недоверчиво растерев кровь между пальцами, тяжело дыша поднял на своего врага абсолютно растерянный, непонимающий взгляд.

Недоумение в нем вызывало все – и полученная столь неожиданно рана, и ненависть, сверкнувшая перед самым выстрелом во взгляде врага, да и сам этот враг, неизвестный, незнакомый ему, но за что-то его ненавидящий и желающий причинить ему боль.

Чеслав, не обращая на упавшего противника ни малейшего внимания, задумчиво и нежно скользнул пальцами по стволу пистолета.

– А хорошо, что я догадался зарядить его серебряными пулями, – даже голос его изменился, становясь более низким, более хриплым и от этого кажущийся более грозным, – Не правда ли... – остановив пальцы на середине ствола, он резко вскинул глаза на оборотня, взирая на него в упор, – Ричард?

Ричард вздрогнул. Он был смелым человеком, порою даже чересчур смелым, почти до безрассудства, но с таким противником жизнь его столкнула впервые. Кто он такой? Из какого небытия его вытащил Альберт? Почему, за что он так ненавидит его? И почему вся эта ситуация вызывает у него ощущение дежа-вю?..

– Ах, черт!.. – оборотень, немного согнувшись, сморщился, касаясь пальцами здоровой руки виска. Стоило ему подумать о смутном сходстве ситуации с чем-то из очень далекого прошлого, как в сознании как будто взорвалась ракета, заставляя голову просто запыхать от боли. Силась унять ее, Ричард пару раз моргнул и, слегка тряхнув головой, глубоко вздохнул. Как это странно... Неужели он стрелял не серебряными пулями, а чем-то еще, чем-то, способным причинить боль куда как большую? Ведь на его стороне Альберт, он вполне мог выдумать какую-нибудь новую дрянь, чтобы причинить вред своему бывшему слуге, так бессовестно оставившему его.

Пантера, к которой оборотень немного прислонялся, стремясь придать себе побольше устойчивости хотя бы даже и в сидячем положении, пошевелилась, и мужчина перевел взгляд на нее. Увидев, что Дэйв, склонив голову, беспокойно трет лапой морду, он нахмурился. Если эта тварь причинила хоть какой-то вред его лучшему другу...

Упершись рукой в землю, он попытался подняться. Спускать ненормальному, явившемуся сюда с пушкой, подобные выходки, Ричард не собирался. В конце концов, он должен отомстить, должен поквитаться с ним и за Дэйва, и за себя самого, да и за всех остальных тоже – ведь неизвестно, кто еще может стать жертвой этого психопата!

В голове вновь что-то вспыхнуло, и оборотень, едва успев приподняться, снова упал на землю. Глаза его застила странная, дрожащая пелена.

– Ты... ты ведь уже стрелял в меня? Раньше?.. – голос Ричарда прозвучал непривычно даже для него самого хрипло и болезненно, и он вновь попробовал приподняться.

Однако, завершить эту попытку ему не позволили. Не успел оборотень, найдя какую-то более или менее удобную точку опоры, собрать силы, для того, чтобы рывком вскочить на ноги, как на плечо ему легла чья-то знакомая худошавая рука и легким движением вернула его на место.

– Сиди, – спокойно велел извечно насмешливый голос, и Ричард, подняв взгляд на неожиданного помощника, чуть усмехнулся. Ну, что же, может быть, так даже и лучше... Хорошо иметь друзей.

Роман Натан де Нормонд, вежливо улыбнувшись, легко и уверенно шагнул вперед. Взор его сейчас был не менее жесток и холоден, чем взгляд противника.

– Скажи, пожалуйста... – голос молодого человека зазвучал ласково, так ласково, что Татьяне, прячущейся за спиной Влада, стало жутковато, – Мой младший братик не рассказывал тебе, что мы не любим, когда обижают наших домашних зверюшек? – он вздохнул и, сузив глаза, прибавил, – А если кто-то все-таки это делает, то мы сами обижаем их и куда как сильнее, чем они могут себе представить.

Чеслав, некоторое время безмолвно созерцающий пораженного неприятеля, медленно перевел взгляд на обратившегося к нему юношу и, оглядев его с ног до головы, равнодушно отвернулся.

– Ты ребенок, – говорил он безучастно, абсолютно равнодушно, просто ставя потенциального противника в известность, – Ты мне не интересен.

– Не интересен также, как не был интересен Влад Людовику, пока тот не узнал о его бессмертии? – живо отозвался Роман, очаровательно улыбнувшись. Глаза его, впрочем, оставались все такими же холодными, как и прежде, чувствовалось, что, не взирая на готовность шутить, спускать жестокого обращения с друзьями виконт не намерен.

– Слушай, как тебя, Чес? – он определенно собирался как-то продолжить эту фразу, возможно, даже сострить, однако же, не успел. Взгляд желтых глаз вновь вернулся к нему, и молодой мужчина приподнял подбородок.

– Чеслав, – холодно уведомил он, – И не смей более называть меня так. Лишь одному на всем свете дано это право, даже он... – здесь последовал короткий кивок в сторону Ричарда, – Утратил его, когда в первый раз пытался убить меня.

– Чт... – оборотень, попытавшийся, было, податься вперед, вновь схватился за голову. Пантера, беспокоясь за него все сильнее, осторожно провела хвостом по лбу хозяина, чего тот даже не заметил.

Внимание на это обратил кое-кто другой.

Винсент, сам наблюдающий за Ричардом со все возрастающим беспокойством, наконец, не выдержал. Будучи старше, полагая себя намного опытнее Дэйва, хранитель памяти неожиданно опустился рядом с оборотнем на одно колено и, обхватив его голову обеими руками, заставил того взглянуть себе в глаза.

– Ричард... не думай об этом, – мужчина мимолетно улыбнулся, – Не пытайся понять, о чем он говорит, хорошо? Это просто чушь, разные глупости... Он говорит это специально, чтобы задеть тебя. Не пытайся вспомнить...

– Почему именно ты говоришь мне это? – Лэрд, недоверчиво взирая на хранителя памяти, рывком высвободил голову из его теплых рук. Взгляд его исполнился подозрения.

– Винсент... что происходит?.. – он неуверенно поднял руку, касаясь кончиками пальцев своего виска и неуверенно вновь перевел взгляд на Чеслава, – Он говорит... но я не знаю, я не помню его! – последние слова он практически выкрикнул, и крик этот подстегнул к действиям Романа.

Бросив быстрый взволнованный взгляд через плечо, юноша внезапно метнулся вперед и, не давая противнику опомниться, стиснул его горло, даже немного приподняв над землей. Пистолет выпал из руки рыжего, с глухим металлическим стуком приземляясь на траву.

– Что ты сделал с ним? – Роман, не так часто испытывающий ярость, сейчас был воистину страшен. Он гневно потрянул равнодушно глядящего на него Чеслава, и, не понимая, почему действия его не находят в том отклика, попытался сжать руку на его горле сильнее.

Чеслав в ответ на эти старания кривовато улыбнулся.

– Я могу убить тебя взмахом ресниц, молодой виконт, – тихо, едва слышно, так, чтобы слова эти воспринял только его противник, прошептал он и, умолкнув, закрыл глаза. Казалось, он собирается исполнить свою угрозу, чудилось, что взмах ресниц рыжего станет последним, что увидит в своей жизни виконт де Нормонд... Но этого не произошло.

Роман, не успевший придумать достойных слов для ответа, изумленно выдохнул. Тяжесть, удерживаемая им в вытянутой руке, неожиданно увеличилась, словно испытывая силу юноши и, не успев тот опомниться, как обнаружил, что держит за горло огромного рыжего волка.

Вокруг оранжево-желтых глаз зверя виднелись несколько более светлые круги, словно след от очков, однако, габариты его в несколько раз превосходили размеры его же человеческой ипостаси. И поэтому, если человек, не в состоянии совладать с силой виконта, был немного приподнят над землей, висел над нею, хотя и не испытывал при этом дискомфорта, то волк спокойно стоял задними лапами на твердой поверхности, хотя и не прекращал немного наваливаться на держащего его парня, явно позволяя тому прочувствовать сполна всю свою тяжесть.

Роман, от неожиданности слегка опешивший, растерявшийся, не предполагавший, что за глотку держит оборотня, а не человека, машинально немного ослабил хватку, однако, моментально придя в себя, вновь стиснул пальцы на горле противника, насмешливо улыбнувшись.

– Думаешь, что, прикинувшись собачкой, вызовешь у меня жалость? – очень вежливо осведомился он и, слегка встряхнув здоровенную тушу, отрицательно качнул головой, – Нет уж, нет... Я, конечно, люблю зверюшек, но, боюсь, не до такой степени, чтобы позволять чужой живности обижать нашу. И если из дяди плохой дрессировщик, то мне придется взвалить тяжкую обязанность по твоему воспитанию на себя... Даже несмотря на то, что я маленький и хрупкий, а ты большой и лохматый.

– Может, его причесать? – Людовик, по сию пору наблюдавший за вершащимися событиями в довольно искреннем обалдении, не бывший в состоянии даже найти слов, чтобы связать, наконец, нашелся. По губам его расплылась вполне довольная улыбка – к издевательствам над зверюшками молодой изувер относился достаточно положительно, особенно при учете того, что и сам не был новичком в этом спорте. Сочувствия же в его душе Чеслав определенно не вызывал.

– Расчесочку подкинуть? – продолжал юный маг, с ухмылкой созерцая равнодушно висящего в руке его брата оборотня, – Или лучше сразу наголо его подстричь?

– Да ты шутишь! – возмутился в ответ Роман, – На мои хрупкие, хотя и широкие плечи свалить еще расческу или ножницы? Да я же надорвусь! Бессовестный мальчишка, ну никакой жалости к старшим!

– А я-то думал, что у интантеров силы много... – разочаровано протянул Луи и, покачивая головой, вздохнул, – А тут оказывается, и слаб он, и стар... Может, ты еще пенсию себе

потребуешь? Будешь сидеть в креслице, поставив ноги на коврик, если, конечно, сделаешь его из этой тряпочки, – взгляд зеленых глаз красноречиво уперся в оборотня.

Виконт, вновь обратив внимание на болтающегося у него в руке волка, восторженно улыбнулся.

– Какая замечательная мысль! Ведь ты же не будешь возражать против этого, тряпочка? – вопрос он сопроводил новым энергичным движением, встряхивая оборотня.

Тот в ответ лениво щелкнул зубами.

Роман ухмыльнулся и, собираясь хорошенько пройтись насчет зубастых ковриков и внезапно оживших тряпочек, приоткрыл рот, но сказать ничего не успел. Волк, внезапно подбравшись, поджав под себя задние лапы, на несколько коротких мгновений повис всем весом на руке молодого интантера, а затем неожиданно сильно толкнул его всеми четырьмя лапами в грудь.

Юноша, не ожидавший такого вероломства, даже не предполагающий его, отлетел на несколько шагов назад и, запнувшись обо что-то, приземлился рядом с Ричардом.

– Зараза... – он прижал руку к груди, отозвавшейся на действия оборотня неприятной, тянущей болью и, рвано выдохнув, неприязненно воззрился на противника. По сию пору таких врагов встречать ему не доводилось и, взяв неприятеля за горло, виконт считал битву уже оконченной. Теперь же и он начал медленно осознавать, что шутки кончились, что Альберт призвал действительно надежного помощника, и что пережитое им в прошлом году поражение в бою с дядей было не более, чем детской игрой.

– Добро пожаловать, – мрачновато произнес Ричард, успевший немного подвинуться, дабы не быть придавленным виконтом. Тот в ответ лишь махнул рукой, не прекращая с напряженным вниманием следить за действиями рыжего оборотня. Винсент, разочаровавшийся в собственных способностях, и так и не сумевший успокоить насильно вытаскиваемую на поверхность память друга, вздохнув, предпочел вновь встать, дабы при случае быть готовым к бою.

Между тем, Чеслав не терял времени. Избавившись от хватки на горле, он, все еще пребывая в ипостаси волка, ловко перекатился через себя, в процессе этого обретая вновь человеческий облик и, схватив с земли выпавший из рук пистолет, так же, как и прежде, не целясь, выстрелил в Романа.

Фокус, однако, не удался. Роман, мгновенно сориентировавшийся, толкнул в плечо сидящего с ним рядом Ричарда, заставляя того упасть на землю и тем самым выводя из зоны поражения, а другой рукой, чуть выставив ее вперед, легко, без видимых усилий, перехватил пулю, летящую в него.

Чеслав, видимо, предполагавший другой исход событий, раздраженно сплюнул и, коль скоро стрелял с колена, поднялся на ноги, награждая неудавшуюся жертву злым взглядом. Жертва, в свой черед, тоже не преминула подняться с земли и, подкинув на ладони пулю, с интересом осмотрела ее.

– Хороша штучка, – Роман ухмыльнулся, медленно переводя взгляд на Людовика, – Очень подходит, чтобы разбираться с оборотнями, а?

Луи фыркнул и развел руки в стороны.

– За оборотня меня держишь? Вон, у этого спрашивай, – он чуть кивнул в сторону Чеслава, который, бросив на него быстрый взгляд, определенно отметил этот жест и запомнил его.

– Да нет, хочу с тебя пример взять, – пожал плечами виконт, – Жаль, камешка нету, но придется обойтись, чем есть... – он еще раз подкинул пулю на ладони и легко, без замаха, швырнул ее в своего врага.

Чеслав дернулся, пытаясь уйти с линии атаки, уклониться от собственной пули, отправленной по обратному адресу со скоростью, вполне достойной выстрела, но не успел. С губ его

сорвалось болезненное шипение, похожее на то, что издавал не так давно Ричард, и оборотень, слегка согнувшись, схватился за правую руку чуть выше локтя, едва снова не роняя оружие.

– Что б тебя!.. – вырвалось у него яростное рычание, взгляд, направленный на врага, исполнен злобы, однако, почти сразу же изменился. В желтых глазах сверкнула насмешка, и Чеслав, кривовато ухмыльнувшись, перехватил пистолет в левую руку, легко прокручивая его на указательном пальце.

– Ты бы мог стать хорошим стрелком, юный де Нормонд, – задумчиво вымолвил он и, быстро куснув себя за губу, пытаюсь скрыть улыбку, покачал головой, – Вот только хороший стрелок способен держать оружие в обеих руках.

– А «хорошим стрелком» ты, как я понимаю, полагаешь себя? – заинтересованно осведомился Роман, скрещивая руки на груди, – Ну, что ж, блажен, кто верует...

Ответит Чеслав не успел. Людовик, с искренним интересом пронаблюдавший все это небольшое представление, в котором он, судя по всему, находился всецело на стороне брата, неожиданно поднял руку, как школьник, желающий задать вопрос.

– А что вообще за тема с тем, что ты – родственник Рикки? – он опустил руку и, потеряв некогда разбитый Ричардом нос, пожал плечами, – Вот честное слово, впервые слышу, что у нашей шавки есть какой-то невразумительный брат. Ты на себя хоть в зеркало-то смотрел, Чес? Вы же даже близко не похожи, какое уж тут родство!

– Не называй меня так! – сквозь зубы проговорил Чеслав, бросая на нового собеседника откровенно яростный взгляд. Татьяна, невольно вспомнившая Ричарда, так не любящего, когда сокращают его имя, поежилась. Кажется, вот и оно – сходство, об отсутствии которого говорил Луи...

– И его, – продолжал, между тем, оборотень, – Родственники не всегда похожи внешне, мальчик, чему доказательством служит твоя собственная семья.

– А с моей семьей как раз-таки все ясно, – молодой маг ухмыльнулся, невинно пожимая плечами, – А вот про родню Ри... чарда мне пока не приходилось даже слышать.

Лэрд, удивленно оценивший звучание своего полного имени из уст того, кто, казалось, чисто принципиально не желал его произносить, даже немного приободрился.

– Ты удивишься, но мне вот как-то тоже, – сумрачно отозвался он и, вновь немного опершись здоровым плечом на замершую рядом пантеру, поморщился, – От одной мысли, что у меня вот *такой* братец сразу голова болеть начинает... – глянув на Дэйва, который при последних словах обеспокоенно повернулся к нему, мужчина слабо усмехнулся и, пытаюсь вновь расставить все точки над *i*, немного возвысил голос, – Слышь, ты, как тебя там... Вот моя семья, видишь? – он слегка потрепал пантеру по загривку и, кивнув назад, на обитателей замка, к которым, конечно, относил и Романа, сейчас отделившегося от их толпы, продолжил, – И вот. Для тебя в этой идиллической картине места не предусмотрено, так что, сделай милость, отвали от меня и ото всех нас.

Чеслав, кажется, временно даже забывший о своем первом противнике, ныне пораженном и выведенном из строя, медленно перевел взгляд на него. На лице его отразилось величайшее внимание, оборотень словно пытался не упустить ни одного слова, не пропустить ни единой мимолетной интонации в голосе собеседника.

Ричард умолк, и его оппонент, вероятно, решив, что настала его очередь, с усмешкой поднял руку, неожиданно снимая очки и убирая их в нагрудный карман. Лицо его, лишённое этого атрибута плохого зрения, неуловимо изменилось, стало выглядеть гораздо моложе, и теперь уже не казалось лицом взрослого мужчины. Это был парень, молодой человек, конечно, постарше Луи или Романа, но, судя по всему, моложе самого Ричарда.

– Ричард... – медленно, словно пробуя имя на вкус, промолвил он и, скривившись, слегка покачал головой, – До чего же отвратительное имя ты себе выбрал. Я буду называть тебя по-прежнему, Рене. Скажи мне... – он неожиданно поднял пистолет и, прислонив его ствол к

собственной щеке, демонстративно взвел курок, – Нужен ли ты «семье», о которой так громко говоришь? У каждого из них и без тебя много родных, ты лишь помеха... Ах, Ренард-Ренард, а ведь мне доводилось уже говорить тебе, и даже не единожды, что кровь гораздо гуще воды, но ты почему-то отказываешься верить моим словам. С ними тебя связывает лишь то, что здесь, – парень, ни капли не опасаясь собственных действий, указал дулом себе в висок, – И только. Общей крови тут нет, – он поморщился и, устало вздохнув, неожиданно махнул пистолетом в сторону собеседника, словно бы внезапно посчитав его недостойным этих речей, – Да что с тобой разговаривать... Твой дружок, хранитель памяти, помог тебе выкинуть из жизни не только меня, но и себя самого, забыть свои корни, забыть обо всем, что было некогда, что связывало тебя с твоей настоящей семьей! Интересно... – он медленно вытянул руку с пистолетом и, немного повернув его, указал дулом точно на голову Дэйва, – Если я убью его, это вернет тебя к реальности?

Его собеседник, явно не понимая ни слова из последних заявлений противника, недоуменно нахмурился.

– Ты опять несешь какую-то... – начал, было, он, но не сумев договорить, вскрикнул, хватаясь за лоб. Голову разрывало болью, на какое-то мгновение оборотню показалось, что это рыжий мерзавец успел выстрелить в него, попав прямо в череп... И от этой мысли становилось еще больнее.

Чеслав, сузив глаза, чуть ухмыльнулся и, недолго думая, спустил курок. Выстрел прозвучал, как отдаленный раскат грома, как похоронный колокол над разверстой могилой хранителя памяти, и Дэйв, замерев, немного выпрямился. Он не собирался двигаться с места, не мог подставить хозяина под атаку, намеревался сам защищать его до последнего вдоха, но у Ричарда на сей счет оказалось иное мнение. Не раздумывая, он шатнулся вперед, падая возле пантеры на колени и закрывая ее собой.

В этот раз пуля вошла ему под правую лопатку, и мужчина не сдержал вскрика. Ощущая, как проникает, как разъедает его изнутри жгучий металл, он медленно повернулся и последним усилием прижался к пантере, надеясь еще заслонить ее от возможных атак. Дэйв, глядя расширившимися от ужаса глазами, как хозяин, пачкая черную шерсть кровью и теряя сознание, медленно сползает по его боку на землю, почти застонал, а после, с яростным рычанием, совершенно обезумев от гнева, рванулся вперед, определенно желая разорвать горло спокойно наблюдающему за ним мерзавцу, однако, исполнить задуманное не успел. Винсент, преградив ему дорогу, буквально вцепился в загривок дикой кошки, совершенно не опасаясь ни ее когтей, ни клыков.

– Стой, дурак! – зарычал он, едва удерживая рвущуюся в бой пантеру, – Ему только того и надо, он убьет тебя! Да стой же ты, упрямец чертов!

На пальце его, поймав и отразив солнечный свет, ярко сверкнуло кольцо с опалом. Чеслав, с интересом прищурившись, прижал пальцы к губам и неожиданно широко, как-то очень заинтригованно улыбнулся.

– Так вот, как в нем должно засиять солнце... – негромко вымолвил он, и хранитель памяти, отчаянно борющийся с пантерой, замер, недоверчиво взирая на него. Оборотень быстро провел языком по нижней губе и, пытаясь сдержать улыбку, вежливо приподнял брови.

– Итак, ты нашел его... Винсент, – имя собеседника в его устах прозвучало с какой-то особенной, очень странной интонацией. Анхель, кажущийся совершенно безучастным к происходящему, довольный ролью наблюдателя, но не участника, едва заметно прищурился и чуть-чуть выпрямился. Со стороны прочих участников событий это осталось незамеченным.

– Ты нашел и надел его, – продолжал, казалось, размышлять вслух Чеслав, – И что же, как ощущения?

– О чем ты говоришь? – Винсент, теряющий нить повествования, наверное, также, как и Ричард только что, нахмурился, – Откуда тебе вообще известно, что мы нашли этот перстень?

– За вами следили, – последовал безмятежный ответ, и взгляд желтых глаз скользнул куда-то наверх и немного вбок, туда, где высилась одна из башенок Нормонда. Хранитель памяти машинально глянул туда и на секунду замер. На крыше, на самом ее краю, восседал огромный черный ворон, слишком знакомый, чтобы не быть тотчас же узнанным.

– Так и знал, что птичка не проста... – пробормотал он и, упрямо мотнув головой, сжал освободившуюся, ввиду успокоения пантеры, руку в кулак, – Ну, так и что? Даже если я решил надеть эту безделушку, тебе-то что за дело до этого?

Чеслав неожиданно резким движением поднял подбородок и, прищурившись, свысока взглянул на собеседника. Губы его растянула насмешливая, удивленная улыбка.

– Так ты не знаешь... – он закусил губу и слегка покачал головой, – Как интересно. Выходит, провалами в памяти здесь страдает не один, а сразу двое! – он негромко рассмеялся, весело сверкнув глазами, – Хранитель памяти, лишенный памяти – пожалуй, это самое удивительное зрелище, что я видел в жизни, а видел я немало, можешь мне поверить! Прошу, ответь мне... – он провел указательным пальцем по нижней губе и заинтересованно склонил голову набок, – Где он был? Этот перстень? Видишь ли, Курк известил меня о вашем визите в домик старого мага, но подробностей он, увы, не видел.

Винсент, хмурый и мрачный, как небо в пасмурный день, на краткое мгновение сжал губы. Несколько секунд он явственно колебался, не зная, отвечать ли на заданный вопрос или же гордо проигнорировать его, однако, в конечном итоге, решил, что ничего особенно важного сообщить он бы не сумел в любом случае, просто по причине своего незнания.

– В камине, – он слегка пожал плечами, всем видом демонстрируя, что не придает этому ни малейшего значения, – Никогда бы не подумал, что такого, как ты, интересуют украшения.

– О, меня они интересуют ничуть не меньше, чем мастера! – Чеслав, воодушевленный и какой-то странно радостный, немного взбудораженный, весело тряхнул огненно-рыжей шевелюрой, – Значит, в камине... Что же, это многое объясняет. Хотя бы то, почему его не смог обнаружить я... – он моргнул и, вероятно, не желая раскрывать все карты сразу, оглянулся по сторонам, медленно поднимая пистолет, – Так... На чем мы остановились?

– Он слишком ценен, – голос, раздавшийся несколько сбоку, заставил оборотня, отвлекшись от своих мыслей, да и действий, удивленно покоситься на говорящего. Альберт, поймав его взгляд, спокойно улыбнулся.

– Пощади его... Чеслав.

Молодой человек медленно повернул голову в сторону мага и, немного склонив ее набок, быстро улыбнулся. Глаза его странно блеснули – Чеславу то ли нравилось, что ударение в его имени поставили на другое место, то ли нет.

– Хорошо, – негромко отозвался он и, вновь глянув на хранителя памяти, пожал плечами, – В его смерти резона для меня нет, – он пытливо взгляделся в противника, и улыбка его стала довольной, – И раз уж ты слишком ценен для мастера...

Татьяна, наблюдающая все происходящее с величайшим напряжением и, вместе с тем – с невольным интересом, возрастающим, казалось, все больше от слова к слову нового знакомого, растерянно покрутила головой.

– Но почему «Чеслав»... – пробормотала она, очень тихо, как ей показалось, однако же, для оборотня, обладающий воистину волчьим слухом, весьма различимо. Живо обратив внимание на новую собеседницу, он вежливо склонил голову.

– Потому, что это мое имя, мадемуазель. Чеслав Вилкас, к вашим услугам. Однако же, предпочитаю, чтобы меня называли Чесла́в, – в улыбке, цветущей на его губах, явственно отразилась насмешка, – К французской речи я с тех пор уже привык...

Девушка вздрогнула, произвольно сглатывая. Воспоминания о том вечере, о той страшной ночи, что она была вынуждена пережить, вернувшись в прошлое при помощи браслета,

память о мимолетном знакомстве с человеком, тогда представившейся ей вымышленным именем, нахлынула на нее, заставляя снова ощутить трепет.

– Вы... – голос ее дрогнул, однако же, она попыталась скрыть это, – Вы тогда сказали... «Скоро все закончится». Вы... имели в виду не бал, да?

Чеслав удивленно хлопнул глазами. На лице его явственно отобразилась попытка вспомнить собственные слова, произнесенные три сотни лет назад.

– Я так сказал?... – озадаченно переспросил он и, предпочитая не заострять внимания на этом вопросе, равнодушно пожал плечами, – Ну, что ж, вполне возможно. Не нахожу, увы, это чрезвычайно важным... Но сколько здесь разговоров! – он приподнял, было, раненую руку, дабы коснуться пальцами лба, однако, смог лишь чуть скользнуть ими по собственной щеке. Рана все-таки мешала ему полноценно двигаться.

– Вместо действий вы, я вижу, предпочитаете речи, – продолжал, между тем, оборотень, – И это при том, что господин граф по сию пору молчит, хотя и действий никаких не предпринимает... – он чуть ухмыльнулся. Намек на прозвучавшие некогда слова Анхеля, утверждавшего, что Эрик предпочитает пустую болтовню делу, был слишком очевиден, чтобы его могли не узнать все присутствующие, включая и самого вораса. Последний едва заметно дернул уголком губ, устремляя все внимание на молодого графа. Видимо, слова Чеслава с одной стороны не слишком нравились ему, коль скоро отражали его собственные, почти повторяя их, но с другой, именно поэтому перекликались с его собственным мнением, заставляя ждать реакции от блондина, ждать с большим интересом.

– Каких действий ты ждешь от меня? – Эрик, сделав небольшой шаг вперед, оставаясь позади Винсента, однако же, вставая перед Татьяной и Владиславом, развел руки в стороны, – У меня нет оружия, чтобы противостоять тебе, и я слаб. Я лишен сил. Мы втроем, – он кивнул в сторону молодых людей за своей спиной, – Находимся под защитой стен замка, а единственный, против кого я бы мог выступить... – здесь его взгляд уперся в Альберта, – Предпочитает пока не вступать в бой.

– Господину графу дали возможность проявить свое красноречие, – Анхель, не удержавшийся от язвительного замечания, ухмыльнулся и со вздохом покачал головой, – Как благородно...

– Я люблю быть благородным, – незамедлительно отозвался Чеслав, даже не обернувшись к нему и, скользнув взглядом по личностям, под защитой стен замка не находящимся, задумчиво коснулся стволом пистолета собственных губ, похоже, выбирая, кто из них достоин стать его жертвой.

– Вы правы, господин Эрик, правы... – рассеянно вымолвил он, останавливая взор на пантере. Винсент, заметив это, поторопился встать перед ней, расправляя плечи. Давать друзей в обиду он не собирался.

– Убить вас было бы слишком просто, и чересчур скучно – вы безоружны, вы глупы, и вы даже не пытаетесь сопротивляться... Пожалуй, я уделю внимание более интересным противникам. Винсент... – взгляд желтых глаз метнулся к лицу хранителя памяти, – Отойди.

– С чего бы это вдруг? – Винсент, умеющий, когда надо, не уступать в дерзости речей ни Роману, ни Людовику, ни, уж тем более, какому-то рыжему оборотню, ухмыльнулся и, как будто бы в раздумье, поднял глаза к небу, – Ах... да-да. Твой хозяин велел тебе не драться со мною, жаль-жаль...

Лицо Чеслава мгновенно изменилось. Из-под маски вежливости, мягкости и почти что приветливости, снова показалось на свет жестокое и непримиримо-яростное существо. Последние слова собеседника определенно задели волчью гордость – никаких хозяев он не признавал, и мастера таковым отнюдь не считал.

– Но, надеюсь искренне, ты не думаешь, что это помешает мне переломать все твои кости и ткнуть тебя носом в грязь, рыжая сволочь? – Винсент опустил взгляд и чуть сузил глаза.

Принимать облик льва он сейчас не собирался, хотя и был уверен, что, пребывая в звериной ипостаси, запросто справится с волком – доказательства тому в прошлом его имелись, однако же, не сомневался и в том, что и будучи человеком легко выполнит свою угрозу.

– Отличное направление мыслей, Винс! – Роман, некоторое время хранивший молчание, воодушевленный заявлением хранителя памяти, широко улыбнулся, делая шаг ближе к Чеславу, – Нет, безусловно, с джентльменской точки зрения я бы должен был вытурить тебя куда-нибудь в замок, велел захватить еще и моего братика с его верной супругой, нашего раненого и даже, быть может, его кошечку... Но, так и быть, лучше я помогу тебе исполнить твоё обещание. А то будет как-то неприлично, если ты вдруг его нарушишь, не правда ли?

Ответить Винсент не успел. За спиной Романа раздалось негромкое покашливание, и юноша, быстро обернувшись, едва успел уклониться от летящего точно ему в челюсть крепкого кулака.

Людовик, нимало не разочарованный своим промахом, очаровательно улыбнулся и развел руки в стороны.

– Прости, братик. Но дядя не очень хочет, чтобы ты обижал его нового песика, поэтому он очень просил меня обидеть тебя.

– Противником больше, противником меньше... – Чеслав вздохнул и, покрутив на пальце пистолет, пожал плечами, – Как быстро меняется дислокация. Скажите, мастер, а как мне вести себя, если вот этот... – он окинул хранителя памяти многозначительным взглядом и вежливо кашлянул, – Человек будет пытаться переломать мне ребра?

Альберт в ответ мягко улыбнулся, приподнимая руку в изящном жесте.

– У него не будет на это времени, – тонкий палец мага прочертил в воздухе линию от вораса к хранителю памяти, и глаза его загадочно блеснули, – Анхель займется им. Твоим же противником будет, полагаю, кто-то другой...

Чеслав, в последний миг заметив рядом с собою пантеру, быстро отпрянул. Острые клыки большого хищника с громким клацающим звуком сомкнулись там, где мгновение назад была его правая рука.

– Ловкая тварь... – ухмыльнувшись, прошептал он и, сжав и разжав пальцы простреленной руки, немного ссутулился, будто бы сам готовясь атаковать, – Что же... Посмотрим.

Эрик, все это время и в самом деле не принимавший в сражении никакого участия, даже не блиставший так обрадовавшим вораса красноречием, заметив, как уверенно Альберт распределил пары неприятелей, понял, что настал его черед.

– Надо полагать, мне в противники ты определяешь себя, – задумчиво произнес он и, слегка качнув головой, расправил плечи, – Что же, я готов, дядя. Мне кажется, в прошлый раз мы не завершили... наш «танец».

Альберт, судя по всему, вообще на некоторое время забывший, что племянника у него три, а не два, медленно перевел взгляд на молодого графа и, скупно улыбнувшись, мягко провел подбородком косую линию, одновременно склоняя голову набок и пытаясь мотнуть ей.

– Нет, – ответ его прозвучал коротко, хотя и уверенно, и маг, ощутив острую необходимость предоставить пояснения, с легким вздохом продолжил, – Увы, сегодня нам с тобою, дорогой племянник, означена лишь роль сторонних наблюдателей, зрителей – так можно сказать. И я бы просил тебя не пытаться вмешиваться в ход представления.

– Однако, если ты попытаешься мне помешать, схватки не избежать, – Эрик, позволив себе легкую, полу-удивленную усмешку, повернул голову немного вбок, – Ты же догадываешься, что я не намерен позволить тебе удержать меня?

Ответом ему послужил негромкий, бархатистый смех. Альберт, глядя на племянника откровенно насмешливо, казалось бы, забавляющийся его словами, как и его поведением, вежливо приподнял брови.

– Так ты не заметил? – он кашлянул, подавляя новый смешок и, приняв на себя вид умудренного жизнью старца, мягко продолжил, – Я очень дальновидный человек, Эрик. И догадаться о том, что ты, или Татьяна, или, может быть, даже Владислав пожелаешь оказать помощь своим друзьям, было совершенно нетрудно, посему я решил предупредить это... Но раз уж для тебя это тайна, что ж, – он поднял руку и, положив ее себе на плечо, легко махнул двумя пальцами вверх.

Эрик ошарашенно отпрянул. Вокруг них троих, вокруг тех, кто находился, как выразился сам граф, под защитой стен замка, из ниоткуда взялась большая клетка с толстыми прутьями. Пространство между ними, казалось бы, вполне позволяло проскользнуть наружу худощавому человеку, к каковым молодой человек имел право относить себя, однако, когда он приблизился к такому проходу и попытался просунуть между прутьями руку, пальцы его наткнулись на невидимую, незримую, но вполне осязаемую преграду.

– Мы... – потрясенно начал, было, он, однако, дядя его опередил.

– ...в клетке? – продолжил он, не скрывая улыбки несколько самодовольной, вполне удовлетворенной результатом собственных действий и, отвечая на собственные слова, кивнул, – Да, Эрик, да, мой милый, храбрый племянник. Я не хочу, чтобы кто-то из вас троих мешался под ногами у моих друзей.

Эрик, всегда такой выдержанный, спокойный, по сию пору сохранивший в своем характере остатки того хладнокровия, что владело им на протяжении трех сотен лет, раздраженно ударил по невидимой преграде кулаком. Затем подумал с секунду и, дополняя первый удар, стукнул еще и ногой. Преграда осталась к действиям молодого графа абсолютно равнодушной, а Владислав, глядя на это, невесело хмыкнул.

– Можешь даже не пытаться. Я уже как-то побывал в такой клетке – тут можно хоть отбить руки и ноги, а все равно остаться взаперти. Физической силе она не поддается... Скажи спасибо, что нас, во всяком случае, слышно.

– Спасибо, – сумрачно бросил в ответ граф и, тяжело вздохнув, предпочел уделить внимание происходящему снаружи.

Татьяна, осторожно покинувшая, как ей казалось, безопасное пространство за спиной Влада, подошла к мужу и, мягко взяв его за руку, улыбнулась смущенно и словно бы виновато.

– Зато мы не страдаем...

Громкий и резкий звук выстрела отвлек ее внимание и заставил испуганно напрячься. Стрелять мог только Чеслав – ни у кого другого просто не было в руках оружия, а учитывая, что на него нападала пантера, а мимо цели оборотень пока еще не попадал, опасение за Дэйва, затопившее душу девушки, было вполне обосновано.

Однако, вопреки ожиданиям услышать визг раненой пантеры, слуха ее неожиданно коснулся удивленный болезненный вскрик.

Дэйв, как оказалось, тоже был не так-то прост. Гибкой черной тенью ускользнув от пули, он метнулся к противнику и, не дожидаясь следующего выстрела, сомкнул страшные зубы на его запястье.

Оборотень, по всему видно, даже не предполагавший возможности такого варианта развития событий, не сдержал вскрика.

– И вправду ловкая... – прошипел он и, тряхнув рукой, попытался сбросить с нее пантеру, как обычную кошку. Он был силен, много сильнее обычного человека, да и боли от укуса испытал явно меньше, чем испытал бы простой смертный, однако же, Дэйв, готовясь к атаке, успел продумать все до мелочей. Выпустив, почти выплюнув руку парня, пантера метнулась вперед и, сбив врага с ног, практически вытянулась в струну, дабы дотянуться до его горла и разорвать его... но встретила лишь густую шерсть.

Под нею, немного придавленный весом дикой кошки, уже раздраженно рычал большой рыжий волк, в этой ипостаси, похоже, не умеющий скрывать свои эмоции. Сбросив с себя неприятеля, он мгновенно вскочил на лапы и изготовился к броску.

Между тем, Винсент, в противники коему был означен Анхель, с очевидно недовольным видом созерцал последнего. С ворасом ему хватило общения еще в прошлый раз, когда он был вынужден, пребывая в облике льва, глупо вертеться и подпрыгивать, силясь поймать паука, и сейчас связываться с ним хранителю памяти не хотелось совершенно, однако, выбора, судя по всему, ему не предоставляли. Альбинос определенно вознамерился выполнить повеление мага и, скорее всего, не позволит ему ускользнуть. Что же, есть слабая надежда, что в человеческом облике паука поймать будет немного проще...

Винсент вздохнул и твердо взглянул на противника. Тот, дожидавшийся с самым, что ни на есть, вежливым, немного снисходительным видом окончания размышлений мужчины, тонко улыбнулся и мягко шагнул вперед. Выглядел Анхель сейчас и в самом деле истым дворянином. Высокий, стройный, облаченный в пальто с застегнутым наглухо воротником, со светлыми волосами, бледный, он абсолютно не казался хоть сколь-нибудь серьезным противником, однако же, взгляд выдавал в нем убийцу. Быстро обежав глазами фигуру хранителя памяти, альбинос склонил голову набок, и улыбка его стала неприятной.

– Кажется, в прошлый раз мы с вами не закончили наш разговор, месье... де ля Бош? – в бледно-зеленых глаза сверкнула и тотчас же погасла странная, очень опасная искра, жестокая ненависть, казалось бы, решительно не обоснованная в данный момент.

– Не закончили, – Винсент, совершенно не испытывающий сейчас желания разобраться в чувствах вораса, даже обращенных к нему, легко кивнул и, усмехаясь, продолжил, – Если мне не изменяет память, вы предпочли играть с кошкой, месье Анхель, презрев наши с вами разговоры.

– Надеюсь, на сей раз этого не случится, – Анхель, чья улыбка стала шире, а взгляд – более колким, немного приподнял подбородок, – Однако... не стоит тянуть время, я не люблю этого. Это не моя прерогатива... – его правая рука взметнулась в воздух, и Винсент замер. В прошлый раз жест этот не предвещал ничего хорошего, возможно, что и сейчас...

Он не ошибся.

Быстрым, легким и точным движением молодой мужчина, его противник, опустил на одно колено, легко проводя пальцами по травинкам у своих ног.

– *Dum spiro spero...* – сорвался с его губ шепот, и он, резко дунув, неожиданно продолжил, возвышая голос, – *Interfectorem occidere!*

Вспыхнуло пламя. Яростное, жестокое, оно, как волна, покатилося от ног вораса и, повинаясь только его молчаливой воле, окружило хранителя памяти, но не кольцом, как в прошлый раз. Теперь огонь вытянулся по обе стороны от него высокими стенами, отгораживая от прочих противников, создавая подобие клетки, ангара, куда можно было попасть разве что со стороны замка, то есть, из-за спины хранителя памяти, и куда, понятное дело, никого бы не подпустили. Винсент, с насмешливой улыбкой созерцающий это, слегка покачал головой. Он ведь знал, он помнил еще с прошлых раз, что пламя, создаваемое Анхелем способно играть лишь одну роль – оно может только освещать, но не способно сжечь или опалить. И поведение вораса сейчас, его наивная вера в такую силу казалась почти смешной, очень странной... Но дополнительные слова внушали некоторое подозрение.

– На сей раз оно жжется, Винсент, – голос Анхеля, спокойный и негромкий, пробился сквозь гул пламени, и экс-мажордом усмехнулся, – Не советовал бы проверять, признаюсь.

Хранитель памяти, искренне растерявшийся – не испугавшийся, но обескураженный столь внезапной и серьезной угрозой, – сделал произвольный шаг назад и... к собственному изумлению едва не упал, запнувшись обо что-то теплое, мягкое и пушистое.

– Однако... – медленно вымолвил он, стараясь спрятать улыбку, – Это должно было пугать меня, пока я был в облике льва. Если ты как-нибудь случайно не заметил, сейчас все иначе.

– Я был бы не против, если бы ты принял этот облик, – не остался в долгу ворас, – Мне понравилось кататься у тебя на спине... Но, впрочем, заставлять не стану. И, если ты полагаешь, что мое пламя способно сжечь или опалить тебя лишь в зверином виде, ты...

Кем Анхель считает своего противника, узнать так никому и не пришлось. Из-за его спины, мимолетно потершись о ноги, плавно и грациозно выступила песочно-рыжая кошка и, оглядев стоящего перед ней мужчину с ног до головы, мигнула, негромко сообщая ему:

– Мяу.

Девушка, взволнованно наблюдающая за этой, еще не начавшейся, но уже такой страшной битвой, довольно улыбнулась, не пытаясь сдержать вздох облегчения. За прошедший год она, изо всех сил пытаясь освоить премудрости владения комплектом своих опасных украшений – браслетом и кулоном, все-таки сумела добиться одного, пусть и не очень большого, но все же результата. Сознание кошки с некоторых пор, если и не стало для нее открытой книгой, было все же более открыто, чем прежде, и в некоторых случаях, когда строптивая и своенравная любимица соглашалась, Татьяне удавалось даже призвать ее, просто произнеся мысленно ее имя. Сейчас же имя ее девушкой было повторено многократно, она буквально просила Тиону о помощи и та, решив, что в такой ситуации можно и согласиться прийти, явилась, дабы дать бой противному пауку.

Анхель, отступив на шаг, издал неприятное, свистящее шипение. Его светло-зеленые глаза смотрели прямо в ярко-изумрудные глазищи кошки и, судя по всему, им обоим этот зрительный контакт был очень неприятен.

– Не люблю кошек... – прошипел ворас, делая еще один шаг назад и взирая на шагнувшую, вопреки ему, вперед, любимицу Татьяны с откровенной ненавистью.

С огромным интересом и удовольствием созерцающий поле боя маг, заметив кошку, слегка вздохнул и равнодушно качнул головой. Судя по всему, Тиону за серьезного противника он не считал и даже, возможно, не был прочь внести в жестокое сражение одну маленькую пушистую нотку.

Внимание его, отвлеченное ненадолго, снова обратилось к Дэйву и Чеславу, схватившимся в жестокой схватке, в то время как дочь его с гораздо большим интересом созерцала Романа и Людовика, схватка между которыми, тихо завяв еще где-то в самом начале, удивительным образом трансформировалась в совершенно мирный и спокойный разговор.

Луи, некоторое время с интересом созерцавший общение хранителя памяти с ворасом, в процессе этого созерцания успевший добыть из кармана свое обожаемое резиновое колечко-эспандер и рассеянно покручивающий его теперь на пальце, вопросительно глянул на стоящего напротив брата.

– Ты думаешь, Винс справится с ним?

Роман, расслабленно опирающийся на меч, выпавший из его руки в момент атаки оборотня, но вновь подобранный, равнодушно пожал плечами.

– Ну, не знаю насчет Винса, но кошечку-то он точно боится. И правильно, кстати, говоря, делает. Ты помнишь, как она потрепала его в прошлый раз?

Людовик жизнерадостно хохотнул и, подбросив колечко, поймал его, одновременно кивая.

– Еще бы! Такой помятый был, я, честно, еле сдерживался от смеха. Хотя тогда мне пришлось дядю лечить, так что посмеяться было некогда... – он разочарованно вздохнул и на секунду сжал губы, – Обидно, правда.

Альберт, бросивший на племянника, которым, как он полагал, он может гордиться, мимолетный взгляд, недовольно нахмурился. Болтовня о всякой ерунде, да еще и такая миролю-

бивая, в планы мага решительно не входила и он, не желая терпеть их крушение, предпочел напомнить своему ученику о его обязанностях.

– Людовик!

– Дядя, отстань, – мгновенно отреагировал парень и, недовольно передернув плечами, даже поморщился, – Что ты все время меня воспитываешь? Тут вон у всех на глазах разгорается волнующий бой дяденьки с маленькой кошечкой, где видно просто потрясающее равенство сил, а ты, вместо того, чтобы смотреть, пристаешь ко мне. Не буду я драться, я не в настроении.

Виконт, абсолютно довольный словами младшего брата, слегка ухмыльнулся и, прищелкнув языком, неодобрительно покачал головой.

– Однако же, дядя бессовестный. Как можно просить моего младшего братика обидеть старого и больного меня?! Кстати, насчет равенства сил ты загнул – кошка определенно сильнее.

– Нда? – молодой маг с видимым сомнением окинул взглядом атлетическую фигуру отступающего перед кошкой Анхеля, перевел взгляд на его маленькую противницу и, вздохнув, кивнул, вынуждено соглашаясь со словами Романа, – Да, ты определенно прав... Вон как он ее боится-то! Кстати, – неожиданно осознав все слова брата полностью, он с удивлением перевел взгляд на него, – Так ты, значит, признаешь себя старым? А как же коврик?

– В коврике сейчас делают дырочки, – отмахнулся юноша, мельком глянув на рычащих волка и пантеру, – Но, если от него что-то останется, – обещаю, коврик у меня будет. А я своих обещаний не нарушаю!

– Ага, конечно, – саркастически отреагировал Людовик, – А краски-то мне так и не подарил.

– Какие еще краски? – Роман, на сей раз совершенно искренне не понявший слов собеседника, пару раз недоуменно моргнул. Тот фыркнул и, скрестив руки на груди, так, чтобы рука с эспандером была сверху, пару раз стукнул себя последним по плечу.

– И это называется «не нарушаю обещаний»... Да ты про них даже не помнишь, остолоп!

Молодой человек, абсолютно недовольный такими заявлениями, гневно сдвинул брови.

– Да кто ты такой, чтобы так обращаться с виконтом де Нормонд, мальчишка?!

– Всего лишь родной брат этого самого виконта, – хладнокровно отреагировал молодой маг и, грустно вздохнув, слегка понурился, опуская голову, – Вот так всегда, еще и тему переводит... Стало быть, красок мне не видать. Что ты их, Цепешу, что ли, отдал, да? Тогда подари мне его мотоцикл!

– Стоп! – Роман, осененный внезапной идеей, воздел руку в останавливающем жесте, – Так ты про краски, которые вымогал на пятинадцатилетие? – дождавшись согласного кивка, он слегка погрозил юноше пальцем, – Нехорошо издеваться над старшими! Моя память не выдерживает такого надругательства и отказывается дарить тебе мотоцикл.

– Жмот, – моментально отреагировал Людовик, – Хотя ты все равно не помнишь, когда у меня день рождения.

– А вот и помню! – виконт, искренне возмущенный таким необоснованным наездом, опер одну руку в бок, – Ты родился... ээ...

Молодой маг удовлетворенно кивнул.

– Вот именно. Да чего с тебя взять, если ты и дни рождения отца с матерью вечно путал, еще удивительно, как себя с Эриком местами не менял!

– Отец с мамой родились с разницей в несколько дней, – недовольно отозвался Роман и, подняв руку, провел пальцами по волосам, немного взлохмачивая их, – А вот с тобой рядом никто не родился, я же помню... Когда же это... Черт, я же точно помню!

Альберт, некоторое время еще лелеявший надежду вернуть внимание младшего из племянников к событиям текущим, старательно отвлекая от дел далекой старины, наконец

вздыхнул и, сознавая, что эта надежда определенно пошла прахом, махнул рукой в сторону весело болтающих молодых людей. Интерес его к ним был утрачен.

Внимание мага вновь обратилось к событиям куда как более увлекательным и захватывающим, ибо прочие пары противников все-таки предпочитали словам действия. И, если ворас, пятящийся от кошки, однако, ловко не покидающий огороженного им самим пространства, особенного любопытства в нем не вызывал, то вот бой пантеры и волка, бой жестокий и кровопролитный, действительно казался магу стоящим наблюдения.

Пантера, с уже изодранным в кровь боком и прокушенным ухом, теряющая на глазах устойчивость, отскочила от врага и, яростно рыча, хлестнула себя хвостом по здоровому боку. В пылающих гневом желтых глазах ее определенно виделась угроза, которой, однако, ее враг внимать не собирался. Он ответил на злость неприятеля неприветливым, негромким ворчанием, в которое, как, во всяком случае, показалось наблюдающим за ними зрителям, причудливо вплелась откровенная насмешка. Создавалось впечатление, что Чеслав снисходительно интересуется, что же намерен предпринять его противник, сам уже с явным трудом удерживаясь на ногах. Сам-то он, к вящему сожалению многих созерцателей, отделался, можно сказать, легким испугом и из этого боя выходил явным победителем. Лишь тоже надкушенное ухо, да легкая хромота, во время которой он слегка припадал на левую переднюю лапу, в общем-то, пострадавшую еще когда оборотень пребывал в человеческой ипостаси, говорили о том, что пантера вовсе не принимала на себя роль бойцовской груши и сопротивление противнику предоставила сполна. Однако же, беспокоящийся за хозяина, очень привязанный к нему, хранитель памяти никак не мог полностью сосредоточиться на битве, уделить ей больше внимания, а это вполне могло грозить самым плачевным исходом.

– Дэйв... – чей-то хриплый голос, оборвавшийся надсадным булькающим кашлем, внезапно вмешался в битву, легко прекращая ее. Пантера, дернувшись, словно от удара, резко обернулась, как-то сразу забывая про остающегося за спиной врага. Последний же, впрочем, не планируя нападать, неприязненно оскалился в сторону приподнимающегося с очевидным трудом, упиравшись ладонями в землю, Ричарда. Трава под ним покраснела от крови, некогда белая рубашка была сплошь покрыта бурыми подтеками, а черные волосы, и без того лежащие не слишком аккуратно, растрепались еще больше, и несколько прядей их, упав на мокрый от холодного пота лоб мужчины, прилипли к нему, застывая причудливыми изгибами.

Дышал он с трудом, иногда, казалось, вообще забывая, что нужно делать это, да и кровь, появившаяся после кашля на его губах, виделась отнюдь не признаком хорошего здоровья и самочувствия.

Эрик, стоящий практически вплотную к клетке, касающийся пальцами невидимой преграды между ее прутьями, скрипнул зубами. За прошедший год Ричард успел стать молодому графу, как, впрочем, и другим обитателям замка, настоящим другом, верным и преданным, очень дорогим и близким человеком, практически родственником, и сейчас смотреть, как он почти умирает, было просто невыносимо. Эрику чудилось, что душу его режут на части, казалось, что это он сам умирает, что именно его ранили, да еще и так сильно.

Вне себя от бессилия, он ударил кулаком по невидимой преграде и, сжав губы, покачал головой.

– Впервые жалею, что у меня уже нет той силы, что прежде... – прошептал молодой человек, не сводя взгляда с находящегося, казалось бы, совсем недалеко от них и все-таки вне зоны досягаемости, оборотня.

– Думаешь, будь ты также силен, смог бы пробить ее? – Влад, искоса глянув на «сокамерника», невесело усмехнулся и отрицательно качнул головой, – Нет... Будь все так просто, Альберт бы не посадил нас сюда. Я думаю, что эта штука, – он ткнул кулаком невидимую стену и вздохнул, – Будет покрепче самого прочного сплава.

– Весьма признателен за утешение, – Эрик, чей голос просто сочился ядом, слегка развел руки в стороны, – Мне сразу стало так легко на душе!

– А это видно, – не остался в долгу Цепеш, – То ты был красный, как вареная свекла, а теперь побледнел.

Граф медленно втянул воздух, определенно подыскивая слова для достойного ответа, однако, Татьяна, вмешавшись, решительно пресекла этот разговор.

– Хватит, – она недовольно нахмурилась и, немного передвинувшись, встала так, чтобы находится между обоими молодыми людьми, – Что с вами обоими такое? Нашли время шутить, тоже мне! Это на вас присутствие Романа и Людовика так влияет?

– Ну, а почему бы и нет? – приподнял брови Эрик, – Я им, вроде бы как, обоим брат...

– Семейка клоунов, – перебил его Цепеш, и девушка, закатив глаза, была вынуждена даже немного повысвить голос.

– Да перестаньте же вы! Мы в клетке, а не на арене цирка Шапито!

– Это мы так снимаем стресс, – развел руки в стороны Владислав, оправдывая и себя и графа, – А цирк там и без нас творится. Во всяком случае, в подавляющем большинстве ситуаций.

Трудно было не признать, что он прав. Луи и Роман, чье присутствие определенно плохо влияло на их брата, уже, кажется, совершенно забыв о том, что они здесь делают и зачем были сюда приведены, мирно болтали о чем-то, периодически посмеиваясь над шутками друг друга. На лицах их цвело совершенно идентичное выражение удовольствия от происходящего общения, – кажется, оба брата были абсолютно счастливы не спорить или ругаться, а просто беседовать.

Винсент, ввиду невозможности покинуть огненную клетку и прийти на помощь Дэйву или, по крайней мере, Ричарду, абсолютно искренне наслаждался тем, как маленькая милая кошечка гоняет по огороженной пламенем площадке большого дядю Анхеля, периодически не сдерживая смеха и, пожалуй, сейчас только Чеслав, Дэйв и Ричард могли считаться настоящими участниками боя, приковывая к себе внимание и беспокойство наблюдателей.

Последний из перечисленных, сильно пострадавший от атаки своего, судя по всему, личного врага, оборотень, медленно, с огромным трудом сел, бросая неприязненный взгляд на рыжего волка и, едва не упав при этом, слабо похлопал по траве рядом с собой.

– Дэйв... – шепот его, хриплый, едва различимый, который, казалось бы, должен был затеряться среди прочих звуков, тем не менее, достиг ушей пантеры, к коей и был обращен, – Иди сюда. К черту его.

Пантера, повинувшись по чистой привычке всегда слушаться приказов хозяина, шагнула, было, к нему, однако, уже в следующую секунду, очевидно, сообразив, что оставлять за спиной врага будет глупо, вновь повернулась к тому, зло рыча. Волк же, всем своим видом демонстрируя полнейшее равнодушие по отношению к хищнику, как и к его угрозам, преспокойно улегся, немного вытянув больную лапу и теперь с равнодушным спокойствием созерцал происходящее.

– Дэйв!.. – в голосе Ричарда прозвучала отчаянная мольба, и Дэйв на сей раз внял. Он любил хозяина всем сердцем, был безмерно привязан к нему, предан и без колебаний отдал бы за него жизнь, что, по-видимому, и намеревался сделать сейчас, однако, приказов, а уж тем более – его просьб послушаться он не мог, просто не желая причинять страданий еще больших, чем уже были пережиты им.

Одним великолепным прыжком, едва не завершившимся падением, ибо раны все-таки мешали хищнику нормально передвигаться, он перемахнул расстояние, разделяющее его и хозяина и, остановившись так, чтобы заслонить его собой, оскалился. Весь вид пантеры говорил, что битва еще не окончена и попыток вновь напасть на Ричарда лучше не предпринимать.

Чеслав, глядя на это, вздохнул и медленно поднялся с земли. Затем, окинув противника, а в перспективе даже двух, ибо Ричарда из списка врагов никто не вычеркивал, взглядом, пренебрежительно фыркнул и, не желая продолжать бой, принял человеческий облик.

Лэрд, как обычно опасавшийся за других куда как больше, чем за себя и отчаянно пытающийся оттолкнуть пантеру, дабы вновь заслонить ее собой, замер, настороженно, с некоторой опаской взирая на «рыжую сволочь», как очень емко характеризовал его Винсент.

Чеслав же, между тем, совершенно не выказывал желания драться. Оглядевшись по сторонам и найдя на земле пистолет, он поднял его, абсолютно игнорируя как противников, так и собственные раны. Вообще действовал он обеими руками довольно свободно, и у наблюдающих за ним людей возникло неприятное ощущение какого-то странного обмана, казалось, оборотень только прикидывался раненым, притворялся, что ему больно.

Осмотрев оружие, парень провел ладонью по его стволу, затем протер полый пиджака и, прищурив один глаз, придирчиво осмотрел еще раз. После чего, сдув какую-то пылинку, небрежно сунул пистолет за пояс, и принялся отряхивать пиджак и рубашку, каковые, в общем-то и прежде не блистали особой чистотой и, лишь закончив приводить себя в порядок, соблаговолит вновь обратить внимание на пантеру и мужчину, заслоняемого ею.

Ни на лице его, ни в глазах сейчас, казалось, не было и следа той ненависти, той агрессии, что совсем недавно плескалась в них, ни капли злости не отражалось во всем его облике. Он казался вновь спокойным, уравновешенным молодым человеком, слегка заинтересованным происходящим, но не более того. Подумав с секунду, оборотень достал из кармана пиджака уцелевшие лишь благодаря какому-то невероятному чуду очки и водрузил их на переносицу. Вид абсолютнейшего спокойствия этот элемент только упрочил, и сейчас казалось совершенно невозможным, чтобы этот человек мог хладнокровно всадить две пули в Ричарда и так сильно потрепать пантеру.

– Не вижу смысла становиться братоубийцей, особенно когда ты даже не знаешь, от чьих рук умрешь, Ренард, – голос его звучал совершенно спокойно, страшные слова он произносил с хладнокровным равнодушием, говоря о предполагаемой смерти противника небрежно, как о чем-то малозначимом, – Увидимся вновь, когда ты все вспомнишь. Как бы там ни было, а ты и твой хранитель памяти сегодня в проигрыше.

– Да почему ты так называешь его? – Ричард, переведя взгляд на несколько поникшего Дэйва, нахмурился, – Он просто пантера, животное, хищник, что ты...

– Он – хранитель памяти, – жестко отрезал собеседник, – Твоей чертовой памяти, Рене. Спроси его, кто я такой, спроси, почему я хочу убить тебя, а ты мечтаешь убить меня, спроси, Рене, и пусть он расскажет!

Ричард, выслушивающий все это, потрясенно приоткрыв рот и не сводя взгляда с пантеры, как-то странно дернулся и, забывая о собственных ранах, сжал виски руками. В голове его медленно ворочался раскаленный колючий ком, он сбивал мысли, путал и уничтожал их, вырывая из сознания отдельные куски и вызывая совершенно безумную боль. Дэйв, заскулив, слегка ткнул его носом в щеку, однако Ричард, с трудом подняв руку, осторожно отстранил его морду. Перед глазами его все то темнело, то краснело, воспринимать действительность с каждым мгновением становилось все сложнее, как и сидеть.

– Мне нечего здесь больше делать, – голос Чеслава, презрительный и насмешливый донесся до него, как сквозь вату, – Игра стала скучной.

Он отвернулся и, слегка ссутулив плечи, не обращая ни на кого внимания, направился прочь, намереваясь спуститься с холма.

Альберт, которого поведение помощника поставило в откровенный ступор, растерянно моргнул.

– Чеслав! Я звал тебя...

– Я знаю, – прервал его оборотень, остановившись на мгновение, – Простите, мастер, но сейчас я не чувствую в себе желания продолжать общение с этими... людьми, – последнее слово было сказано им с откровенным презрением.

Мимолетно оглянувшись через плечо на оставляемых им противников, на наблюдателей и всех прочих, взирающих на него с изумлением, оборотень исчез, совершенно бесшумно, не рисуясь и не делая лишних движений. Он просто испарился, оставляя поле боя побежденным.

Пожалуй, один лишь Ричард, ввиду собственного состояния, спровоцированного рыжим оборотнем, не заметил его ухода. Ему было попросту не до того.

Альберт, которого, судя по всему, постигло жестокое разочарование в собственном союзнике, отвернувшись от того места, где последний стоял секунду назад, вновь обратил внимание на происходящее ныне и, заметив мучения Лэрда, с интересом прищурился. В глазах его вспыхнул фанатичный огонек естествоиспытателя, обожающего ставить эксперименты над живыми существами.

Эрик, наблюдающий из непроницаемой клетки, как оборотень, явно неосознанно, действуя скорее на уровне инстинктов, закрывает лицо здоровой рукой, тогда как другой в отчаянии зажимает ухо, будто не желая слышать чего-то, доступного лишь ему одному, стиснул зубы. Как никто другой, он понимал сейчас, что переживает друг, ведь когда-то и самому молодому графу пришлось испытать нечто подобное... Но в его случае все было несколько проще. Известие о сущности Винсента было преподнесено ему друзьями, даже более – любимой девушкой, что уже само по себе смягчило удар, да и она пыталась сообщить все как можно мягче.

Ричарду же повезло значительно меньше, и шокирующую, пугающую саму по себе новость он узнал от врага и, что представлялось вполне вероятным и пугало сильнее, – от врага из того самого прошлого, которое он предпочел забыть, которого стремился избежать. Теперь же разум несчастного оборотня, невольно бьющийся в стены, возведенные Дэйвом по его просьбе в его сознании, причинял ему просто невыносимую боль, выносить которую молча было совершенно невозможно.

Из груди его вырвался негромкий, стонущий вой, почти сразу же оборвавшийся странным хрипом. Ричард заскулил, сгибаясь, съеживаясь на земле, обхватил, забывая о ранах, раскалывающуюся на куски, пылающую голову, руками и судорожно всхлипнул. Он уже ничего не понимал, ничего не соображал. Он не пытался вспомнить, он не думал, но сознание его, действуя самостоятельно, продолжало выламывать себе путь к прошлому, казалось, сверля череп мужчины без анестезии.

Оставшиеся группы противников как-то сразу распались, и взоры всех присутствующих, включая даже Анхеля, обратились к Ричарду. Пользуясь тем, что кошку вой оборотня тоже отвлек, он сделал шаг в сторону и, легко наступив на бушующее пламя, остановил его бешенство, позволяя ему погаснуть.

Роман, вспомнивший подобную ситуацию с Эриком, сжал губы.

– Надо отвести... отнести его в замок, – пробормотал он себе под нос, как-то совсем забывая о том, что рядом стоит младший брат, любитель издеваться над зверюшками, которого, наверное, состояние оборотня приводит в крайний восторг.

– И позвать врача... – негромкий голос этого самого брата заставил виконта изумленно обернуться, вскидывая брови. Тот же, не замечая, какое произвел впечатление, со вздохом покачал головой.

– Глупец, что же он делает? Он так протолкнет пули еще глубже, их потом вытаскивать придется с трудом... – наконец обратив внимание на пораженного Романа, Луи неловко пожал плечами, – Да я... Просто не слишком это для оборотней полезно – с серебром в теле расхаживать.

На несколько бесконечно долгих секунд центр всеобщего внимания сместился от страдающего Ричарда ко столь неожиданно проявившему свою лучшую сторону Людовику. Роман неуверенно протянул ему руку.

– Может... сможешь нам? – взгляд его стал испытующим.

Луи вытянул, было, руку в ответ, почти касаясь пальцами ладони старшего брата, почти пожимая ее, однако, в последний миг, наткнувшись взглядом на дядю, медленно убрал ее и с явным сожалением покачал головой.

– Нет... не могу, – он тихо вздохнул и, едва слышно шепнув, – Прости... – неожиданно щелкнул пальцами. Мастерства Альберта молодой маг еще не достиг, посему перемещение в пространстве ему приходилось сопровождать дополнительными действиями.

Фигура его медленно растаяла в воздухе, – чудилось, что даже перемещается Людовик неохотно, более подчиняясь желанию своего наставника и учителя, нежели собственной воле.

Анхель, пронаблюдав это, сделал шаг к режиссеру провалившейся пьесы.

– Битва окончена, мастер, – негромко вымолвил он, – Я думаю, нам стоит последовать примеру вашего племянника.

Альберт, очень явственно раздосадованный, склонил голову набок и, обежав взглядом напряженно и серьезно созерцающих его обитателей замка, криво ухмыльнулся.

– Пожалуй... Следует позволить врагу зализать раны. Не только Чеслав любит быть благородным... – он вздохнул и, подняв два пальца, коснулся ими виска, как будто бы отдавая честь, – Жаль, что приходится прощаться так сумбурно, друзья мои, но я вернусь. Очень скоро вернусь... – более прибавлять он ничего не стал и, медленно моргнув, растаял, подобно утреннему туману. Анхель исчез вместе с ним, склонившись на прощание в едва заметном, но очень вежливом поклоне.

Эрик, немного опирающийся на невидимую преграду между прутьями решетки, неожиданно едва не упал, подаваясь вперед под тяжестью собственного тела. Преграда исчезла. Клетка, помедлив мгновение, рассыпалась металлическим прахом и упала к ногам прежде заключенных в ней людей.

Обитатели замка, как освобожденные, так и бывшие на свободе, медленно переглянулись между собою и, не сговариваясь, бросились к Ричарду, сжавшемуся на земле. Возле него, не зная, что делать, что предпринять и как быть, метался Дэйв, все еще пребывающий в облике пантеры.

Роман, который в силу своих способностей оказался возле оборотня первым, присел около него на корточки и уже хотел, было, коснуться его плеча, то ли затем, чтобы привести в чувство, то ли просто чтобы проверить, в чувстве ли он, однако, вспомнив, что ранен был Ричард именно в это плечо, остановил пальцы в нескольких сантиметрах от его тела.

Дэйв, крутящийся рядом, толкнул его лбом в плечо, пытаясь что-то сказать, или же просто стараясь подтолкнуть молодого человека к действиям. Роман, едва не упав от неожиданности, недовольно отмахнулся от него.

– Не приставай ко мне, животное! Лучше бы нормальный вид принял, да помог хозяина до замка дотащить, а он еще и меня уронить хочет.

– Ты что несешь? – Винсент, остановившийся возле юноши и замершего на земле в неподвижной позе оборотня, нахмурился, быстро поднося палец к губам, – Какой еще нормальный ви...

– Он без сознания, – перебил интантер, – Опять. Поэтому сейчас пока можно и болтать обо всяких крайне запрещенных к прослушиванию вещах, да и превратиться кое-кто вполне имеет право.

– А если он в это время придет в себя? – Эрик, нахмурившись, отрицательно покачал головой, – Нет, не думаю, что стоит так рисковать. Ах, знать бы, кто такой этот Чеслав...

– Да какая разница? – Татьяна слегка передернула плечами, с нескрываемой жалостью глядя на оборотня, – Кем бы не была эта рыжая сволочь, хорошего от него ждать не приходится. Да и уже...

– Вот именно, – согласился виконт и, поднявшись на ноги, тяжело вздохнул, – Так, ладно. Коль скоро кот номер два не хочет мне помогать, придется это сделать коту номер один. Винс, давай-ка... – с этими словами он наклонился, очень осторожно подхватывая оборотня подмышки. Для этого бедного Ричарда пришлось сначала перевернуть на спину.

– Без проблем, – хранитель памяти кивнул и, взяв мужчину за ноги, поднял его, затем направляясь вместе с Романом в замок.

По счастью, их совместных сил оказалось вполне довольно для того, чтобы довольно благополучно транспортировать находящегося без сознания друга не только внутрь здания, но даже и в его комнату. Правда, Татьяна несколько раз пыталась возразить, говоря, что положить Рика можно было бы в совершенно любой комнате, и даже было бы хорошо, если бы комната эта находилась поближе, однако, молодые люди к советам ее решительно не прислушивались.

В конечном итоге, доставив оборотня до места назначения и сгрузив его на кровать, они и сами смогли немного перевести дух. Как показала практика, даже при учете немалых сил обоих, волоочь взрослого, довольно крупного мужчину, оказалось не слишком просто.

Роман утомленно вздохнул и, взяв с тумбочки, стоящей возле кровати кувшин с водой, не мудрствуя лукаво, отпил прямо из него несколько глотков.

– Да, так бывает, кот, – говорил он так, словно бы продолжал только что прерванный разговор, – Не успеешь вернуться домой, разобрать вещи и принять душ, как по твою душу уже является Альберт, который калечит твоих друзей своими.

– После об этом, – отмахнулся Винсент и, оглянувшись по сторонам, присел на краешек обнаруженного стула, – Отправляйся за Чарли.

– Да-да... – виконт устало ссутулился, – Ни сна, ни отдыха усталой душе... А Чарли так надеялся, так верил, что на сей раз ему удастся от нас отдохнуть! Ладно, сейчас предупрежу его, чтобы захватил нужные инструменты, тогда уж отправлюсь, – он выудил из кармана джинсов мобильный телефон и, уже листая его записную книжку, добавил, – А то будет, как с тобой, когда по всему замку приборы для кройки и шитья искали.

Эрик, наблюдая за действиями брата, слегка вздохнул. За прошедший год он уже успел несколько привыкнуть к техническому прогрессу и новшествам современного мира, однако, сам ими не владел и порою ловил себя на мысли, что пользование вот этой вот странной штукой все еще кажется ему чем-то сродни магии.

Роман же, тем временем, уже закончил колдовать и поднес телефон к уху, слушая гудки.

Между тем, молодой доктор Чарли, на которого обитатели старинного замка имели такие большие планы, спокойно сидел дома, в своем любимом кресле, перед не менее любимым компьютером, с кружкой обожаемого горячего чая в руках. Раздавшийся звонок лежащего рядом телефона, заставил парня вздрогнуть и, едва не пролив чай на себя, тихонько чертыхнуться сквозь зубы. Как врач он, конечно, понимал, что работа не дремлет, больные ждут всегда и даже в единственный выходной день его вполне могут вызвать на работу по особенно срочному делу, как бывало уже не раз, но... Но он так надеялся провести этот выходной в тишине и спокойствии!

Чарли медленно и осторожно поставил кружку на стол – кружка была полной, отпить из нее он еще не успел ни глотка и резкое движение могло быть чревато ожогами, – и, с неохотой взяв телефон, с претензией воззрился на дисплей, где высвечивалось, слегка моргая, имя вызывающего абонента. По лицу его медленно разлилось выражение человека, который, вме-

сто того, чтобы кинуть лимон в чай, съел его сам, да еще и запил лимонным соком. «Из 3. – Роман» – значилось на экране мобильного.

С губ молодого человека сорвался усталый, практически измученный вздох. Господи, оставят его когда-нибудь эти сумасшедшие в покое? Нет, никто не спорит, они, в целом, неплохие ребята и он даже почти привык полагать их друзьями, но дружба, как говорится, дружбой, а дергать его в единственный день законного отдыха – это просто верх неприличия! Тем более, что как подсказывала Чарльзу интуиция, основанная на горьком опыте, звонок «из замка» вовсе не означал мирное предложение пойти прогуляться, сходить в кафе или, скажем, в кино. Хотя, когда бы это они вообще звонили ему с подобными предложениями? С их-то тенденцией постоянно влипнуть в самые разнообразные переделки! Да он с ними скоро уже специалистом по болезням сверхъестественных пациентов станет, сможет диссертацию защитить!

Нет, безусловно, в массе своей болезни их достаточно человеческого происхождения – разнообразные переломы, вывихи, ранения... И все-таки, зашивать рану от пореза кухонным ножом – случайную или преднамеренную – гораздо приятнее, нежели, как выражался Роман, «штопать» какого-нибудь хранителя памяти, покалеченного не кем-нибудь, а упырями. Или вот, скажем, этот их приятель с мотоциклом, Владислав, про которого все обитатели жуткого замка в голос твердят, что он бессмертен. Всего год назад ему, обычному человеческому доктору, пришлось вправить ему несколько переломов, да еще и некоторое время понаблюдать за процессом восстановления человека, которому врачебная помощь вообще не должна была бы быть нужна – с его бессмертием он бы рано или поздно вылечился сам!

А вот теперь у них опять, без сомнения, что-то произошло. И, чтобы это ни было, на помощь они, как обычно, предпочли позвать его, своего единственного знакомого доктора... Хм.

Чарли, склонив голову, внимательно осмотрел телефон. Телефон звонил, надрываясь и требуя, чтобы хозяин принял вызов.

Что ж, может быть, это не так уж и неприятно... По крайней мере, он единственный на всем белом свете человек, самый обычный, простой, ничем не примечательный человек, который оказался посвящен в тайну обитателей замка под названием Нормонд.

Молодой доктор поморщился и мотнул головой. Но это же не дает им права!..

Он решительно принял звонок.

– Роман, слушай, я сейчас в Лондоне, я не могу... – начал уверенно не то оправдываться, не то отказываться он, даже не дождавшись слов собеседника, однако, договорить не успел.

Кто-то, обладающий недюжинной силой, рванул парня за ворот футболки, не порвав ее лишь благодаря какому-то неслыханному чуду и, опрокинув на пол вместе с креслом, стиснул его горло, почти лишая возможности говорить. Телефон, ожидаемо выпавший из его рук, ударившись об пол, разлетелся на две части.

Чарльз, толком не успевший даже понять, что случилось, на мгновения потерявший всякую ориентацию в пространстве, почувствовав на своем горле крепкие пальцы, совершенно инстинктивно вцепился в них, пытаясь разжать, и только сейчас начиная сознавать окружающую действительность.

Над ним, не скрывая широкой улыбки, склонился какой-то неизвестный парень очень примечательной и неординарной наружности. Пожалуй, даже на улице, среди толпы, где каждый встречный может казаться необычным, этот человек со своими ярко-рыжими волосами был бы замечен, а уж если приложить к волосам еще и глаза странно желтого цвета, то можно смело сказать, что толпа вокруг и просьбы сфотографироваться были этому парню обеспечены. Пожалуй, небольшим несоответствием всему его облику были лишь аккуратные, элегантные очки в довольно тонкой оправе, очень ловко сидящие на прямом носу, хотя, с другой стороны, именно поэтому весь его образ производил еще большее впечатление.

Видеть его Чарльзу доселе не приходилось.

Не обращая внимания на слабые трепыхания доктора, на его попытки вырваться, незнакомец продолжал легко, без видимых усилий, удерживать его одной рукой. Чарли ощутил мимолетное разочарование. Вот они – несколько лет занятий в спортзале и их результат в реальной жизни! Девушек на пляже, где молодому человеку доводилось бывать совсем нечасто, его подтянутая фигура и крепкие мускулы привлекали, но в критической ситуации все это оказалось бесполезным. Он не может даже справиться с вором, забравшимся к нему в квартиру, не способен защитить собственную жизнь! Горькое осознание собственного бессилия затопило молодого человека с головой. Он рванулся, стиснул изо всех сил пальцы рыжего мерзавца и, как ему показалось, немного разжал их...

Незнакомец едва заметно склонил голову набок, и по губам его скользнула слабая улыбка. Пальцы на горле бедного доктора сжались еще сильнее, практически лишая возможности дышать.

– Не перестарайся, Чеслав.

Где-то за его головой послышались легкие, уверенные шаги, и мягкий, хорошо поставленный голос, попросивший, очевидно, рыжего мучителя несколько сбавить обороты, заставил Чарли одновременно обрадоваться и испугаться. Так их, значит, двое! Боже, какой кошмар. Как они вообще смогли проникнуть в его квартиру, эти негодяи? Ведь не держит же он двери нараспашку, приглашая всех проходящих мимо мерзавцев заглянуть на чашечку чая! Кроме того, его и личностью-то примечательной не назовешь – он всего лишь хирург в огромном мегаполисе, один из многих, работает в одной больнице с самого института, старается помогать людям, насколько хватает сил. Средств особых не имеет, в связях, порочащих честь и достоинство замечен не был... А может быть, и был. Вспомнив вновь о ребятах из старого замка, Чарли почувствовал, как сжалось сердце. Пожалуй, кое-что примечательное в нем все-таки имеется...

Второй из неизвестных передвинулся правее, и в поле зрения молодого доктора возникло приятное мужское лицо, с небольшой бородкой, темными широкими бровями и почти черными глазами. Лицо казалось смутно знакомым, однако, вспомнить сейчас точнее не получалось.

Незнакомец присел на корточки и, приветливо улыбнувшись, взгляделся в лицо потенциальной, если уже не настоящей, жертвы.

– Здравствуй, мой мальчик, – голос его звучал спокойно, создавалось ощущение, будто бы мужчина и в самом деле прибыл в гости, заглянул с самыми, что ни на есть, благими намерениями, – Боюсь, ты уже и не помнишь меня. В прошлую нашу встречу ты был совсем юн, кажется, тебе было... года три?

Вопрос повис в воздухе. Чарли, расширившимися от изумления и страха глазами, молча смотрел на незнакомца, утверждающего, что он все-таки знакомый и не знал, что и думать. Он совсем не был уверен, что знает этого человека.

– Мастер, – давешний рыжий, продолжающий удерживать молодого доктора за горло, неожиданно поднял с пола что-то белое и, скользнув по нему глазами, приподнял, сжимая двумя пальцами, – Взгляните-ка.

Человек, которого он называл мастером, протянул руку. Рыжий, находящийся от него на некотором расстоянии, ловко метнул белую карточку, и Чарли, успевший за этот краткий миг рассмотреть ее, растерянно моргнул. Бейджик? Зачем он им понадобился, чем вызван такой интерес?

«Мастер», приподняв подбородок, чуть улыбнулся.

– Чарльз Далбертфилс, – с чувством прочитал он и легонько кивнул, похоже, одобряя что-то, – Любопытная фамилия, в которой слышится мое имя...

– Разве он не Гайлар? – рыжий нахмурился, а Чарли, в сердце которого прозвучавшая фамилия вызвала целую бурю эмоций, попытался уцепиться за соломинку.

– Вы... вы ошиблись... – прохрипел он, ибо пальцы рыжего мешали ему нормально разговаривать, – Я совсем не тот...

– Тихо, смертный, – человек, которого мастер называл каким-то странным, не отложившимся в памяти именем, чуть сильнее сжал пальцы на горле несчастного доктора, – Не с тобой говорят.

– Чеслав... – мужчина вздохнул и отрицательно качнул головой. Рыжий с неохотой ослабил хватку.

– Неужели ваши отношения с отцом так плохи, что ты даже не хочешь носить его фамилию? – пронизательный взгляд темных глаз уперся прямо в лицо молодого доктора, и тот судорожно сглотнул. Если он знает... Если речь идет об отце... То дела еще хуже, чем он мог предполагать.

– Кто... кто в-вы... сэр?.. – голос едва слышался, а рука рыжего продолжала пережимать горло.

– Мое имя Альберт, – вопреки своему собеседнику мужчина говорил легко и свободно, не прекращая лучиться приятной улыбкой, – Как жаль, что дети, вырастая, так легко забывают прошлое... Скажи, малыш, сколько тебе было, когда ты узнал? Об отце?

Чарльз сглотнул. Нелегкий выбор развернулся перед ним во всей своей красе. Ответить на такой прямой вопрос значило бы подтвердить, что он именно тот, кто он есть, убедить собеседников, что они явились по нужному адресу, промолчать... Кто знает, что бы было хуже. Он закрыл глаза и, не в силах сдержаться, тяжело вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.